

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ОРУЖЕНОСЕЦ
В СЕРОЙ
ШИНЕЛИ

Александр Сергеевич Конторович

Оруженосец в серой шинели

Серия «Рыцарь в серой шинели», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6283458

Аннотация

Кто-то из великих писателей сказал, что все книги о приключениях заканчиваются тогда, когда герои находят клад – потом уже ничего интересного не бывает. Я тоже так долго думал, а потом представил себе такую ситуацию и понял – все сложности как раз тогда и начинаются. Вот и здесь... родился сын – крутой наследник, все его должны почитать и превозносить. Но не тут-то было! Не стал он еще воином, да и магом ему не быть – нет задатков. А что есть? А есть – жутковатая репутация покойного отца. Оно и неплохо вроде бы, но – недостаточно, на одной памяти далеко не уедешь. А своего – нет пока ничего. И вокруг – столько врагов, как сложится его жизнь?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

96

Александр Конторович

Оруженосец в серой шинели

– Каждый раз, когда я сижу здесь, – Лексли посмотрел в сторону развалин и подбросил в огонь несколько веток, – я снова и снова переживаю тот день...

Мне нет нужды выяснять, куда он устремляет свой взгляд – я хорошо помню эти места. В первый раз меня сюда привезли еще совсем несмышленышем, с того момента в памяти почти ничего не осталось. Помнятся только торжественные звуки хора монахов, которые пели что-то величественно-печальное. Да долгая дорога назад. Тогда лил проливной дождь, и капли барабанили по верху кареты, в которой я ехал вместе с матерью. Она всю дорогу молчала и прижимала меня к себе – вот это врезалось в память надолго.

Следующий наш визит сюда произошел через пять лет, и к этому моменту несмышленный ребенок уже встал на ноги и сам себе казался умным и понимающим. Господи, какой я тогда был лопух, сейчас и самому смешно. И как только терпели мои выходки окружающие? Мать не поехала со мной – что-то важное удержало ее тогда в замке. Да, у нас уже был свой замок! Его как раз и заканчивали строить – целых пять лет, ничего себе... С самого детства я запомнил

перестук молотков плотников да возгласы каменщиков – самые яркие впечатления первых лет. Помнится, мне всегда хотелось стать таким мастером, как они. Изю дня в день видя, как медленно, но неуклонно растет замковая стена, я тоже хотел в будущем сказать: «Вот! Смотрите, это дело моих рук! Она простоит вечно!»

Своими мечтами я поделился и с матерью. Она, не перебивая, меня выслушала и, притянув к себе, погладила по голове.

– Сандр... ты и вправду хочешь стать строителем?

– Да! А что же в этом плохого?

– Напротив, это очень хорошо! Но ты – ты все обдумал хорошо?

– А как же! Даже бегал на стену к старшему мастеру Хою. И он говорил со мной... показывал, как класть камни. Только они очень тяжелые... я пока не могу их так хорошо укладывать... Но я же вырасту! И стану сильным!

Мать улыбается, встает со своего места и откладывает в сторону какую-то тетрадь. Она все время читает. Что там может быть такого интересного? Лучше бы на лошади ездил – это ведь так здорово! Дух захватывает! Меня одного так пока не пускают, сестра Агея говорит, что я слишком еще мал. Но ей-то! Ей кто может запретить?

– Пойдем...

И мы выходим во двор. Не в парадный – тот, что перед воротами, а в задний.

Мое любимое место для прогулок...

Здесь всегда многолюдно и шумно. Иногда ржут лошади у коновязи, азартно лают друг на друга собаки. И шумят люди, которых тут всегда много.

В левом углу – около сторожевой башни, огорожен большой кусок земли. Сюда никто из посторонних не заходит, даже домашняя живность – и та обходит его стороной. Здесь тренируется замковая стража и Коты. За ними так интересно смотреть со стороны!

Только страшновато...

Они так машут своими мечами – того и гляди, кому-нибудь что-то отрубят. Один раз я видел, как выбитый сильным ударом меч, отлетев в сторону, косо воткнулся в столб. Ничего себе... а если бы там человек в это время проходил? Сестра Агея тогда сильно ворчала на солдат и выговаривала сержанту Лексли – он у них тут главный.

А он только в усы ухмылялся...

Именно к нему мы с матерью сейчас и направляемся. Сержант, как всегда, в заботах. Держа в руке меч, он объясняет двоим новичкам какой-то прием. Увидев нас, прерывает занятия и отправляет обоих парней на площадку – помахать мечами там.

Подойдя к нему, мать здоровается. Странное дело, но столь грозный воин (а я не раз видел, как робели от его слов здоровенные мужики) к ней относится с подчеркнутым уважением и чуть ли не с опаской.

В двух словах она рассказывает Коту о моих намерениях.

– Строителем, молодой лорд? – тот ставит к стене свой меч. – Похвальная мысль! Строить... да, это не мечом махать! Память можно оставить на века – замки стоят долго!

Честно говоря, я как-то даже растерялся – настолько неожиданными оказались эти слова в его устах. Да и мать, похоже, несколько удивилась.

– Если, правда, эти замки никто не разрушит... что, увы, тоже частенько бывает в наших краях...

– Зачем? – в моем голосе слышится искреннее удивление.

– Да, как тебе сказать, Сандр... – сержант делает приглашающий жест, и мы с матерью опускаемся на скамью. – Войны – они иногда возникают как-то сами собой... И тогда рушат не только замки – сжигают целые города!

– Так надо не допускать подобного! – у меня аж кулаки сжались.

– Как, молодой лорд?

– Ну... у тебя же есть солдаты!

– Они есть и у врага. Иногда – так и намного больше.

– Стены высоки и крепки! С них можно долго отбиваться!

– Можно. Но не слишком долго, как показывает опыт. Да и, кроме того, многое зависит также и от того, кто командует этими самыми солдатами. Как с одной стороны, так и с другой. Если умнее вождь обороняющихся – они могут победить. И тогда – стенам стоять долго. А вот если наоборот...

Подобного расклада событий я как-то и не мог предви-

деть. Вот тебе и здрасьте, как иногда говорит мать...

– И что же делать? У нас – опытный вождь?

Кот улыбается.

– Пока над воротами замка висит наш флаг, немного найдется желающих попробовать их на прочность. Но все меняется, Сандр! И никто не может исключить возможности того, что во главе защитников придется встать твоей матери...

– Почему ей?! А я?! Ведь я – единственный мужчина в роду!

– А кто тут собрался стать строителем? Или я чего-то не понял?

И что ему отвечать?

– Пойми, сын мой, – берет меня за руку мать. – Ни одной матери не хотелось бы видеть своего сына воином – слишком велик риск его потерять. Да, безопаснее работать строителем или портным – они не воюют. Но ты – ты не просто сам по себе, мальчик! Ты – сын своего отца! И одно это обязывает уже очень ко многому!

– К чему же? – мой голос прямо-таки ломается от негодования. – Ведь лорд может делать все, что захочет!

– Формально – это так, – кивает Лексли. – Но вступив в артель каменщиков ты очень быстро перестанешь быть лордом. На это место тотчас же найдется немало желающих, уж поверь! Да и после этого долгой жизни никто не гарантирует. Пусть и бывший, но лорд! А стало быть – опасен! Кто знает, может, и работа подмастерья тебе тоже вскоре надоеет? И

положение лорда снова покажется не таким уж и плохим...
А место уже занято, там сидит новый лорд.

– Отчего же – подмастерья?

– А ты, молодой лорд, знаешь достаточно, чтобы стать сразу мастером?

– Ну... я буду учиться!

– А есть что будешь все это время? Все десять лет?

– Десять?

– По закону, держать экзамен на мастера можно только после десяти лет работы подмастерьем.

– Лорду тоже?!

– Среди подмастерьев нет лордов – есть только обычные люди.

Вот это да... Замолкаю, ибо даже не могу привести ни одного аргумента в свою защиту.

– Дело в том, Сандр, – присаживается рядом Кот, – что ты – не просто лорд, каких, откровенно говоря, хватает. Ты – сын Серого! Никто – ни один король или герцог – не сможет спокойно спать, зная о том, что где-то рядом, затесавшись в толпу каменщиков, ходит Серый...

– Но я – не он!

– Пока... И то, это еще толком не понятно. Никто не знает, кем ты станешь через год... или два. Тебя, в подобном случае, просто убьют. Будет ли это король или кто-то из врагов твоего отца – неизвестно. Но ждать не станет никто. Как ты думаешь, почему тебя и твою мать охраняем именно мы?

– С вами никто не станет ссориться...

– Правильно, – кивает сержант. – Опять же – пока... пока слишком сильна память о твоём отце и о том, что он сделал для королевства. Пока живы ещё военачальники, знавшие его лично. Но никто не вечен...

– И я тоже должен стать воином?

Мать вздыхает и прижимает к груди руки.

– Это – твой долг, Сандр, – серьёзно говорит Кот. – Знаю, ты не готов ещё к такому повороту судьбы. Не обязательно воином – но лордом ты должен стать!

– Я и так лорд!

– Ты – сын лорда. Стать им сможешь только в четырнадцать лет – таков закон. И поверь мне, сразу же, как ты им станешь – очень скоро тебе бросят вызов. Не обязательно явный. И тогда ты должен будешь на него ответить – сам. Пока, до твоего совершеннолетия, формально вы все находитесь под защитой короля... хотя я не слишком бы на неё полагался. И любой вызов вам – это оскорбление его величества. Поэтому, мы, Коты, можем – и обязаны – на него ответить. Тем более что твой отец был одним из нас. И мы не оставим в беде его жену и сына. Поэтому – учись! Тебе надо многое уметь! Не обязательно «махать мечом». Хотя и это не помешает, между нами-то говоря... А вот говорить с людьми, понимать их... это важнее! И намного! Твой отец – умел! Сможешь ли ты...

– Смогу!

– Ну... – Лексли вопросительно смотрит на мою мать. Та, сжав губы, коротко кивает.

– Тогда, – на мое плечо опускается латная рукавица, – пошли! Не ждал я этого разговора столь рано...

И – началось...

Если б мне кто-то еще недавно сказал, что спать я стану в общей казарме, есть – со всеми латниками вместе из одного котла, я немало подивился бы фантазии собеседника. Но высказывать свое удивление было некому, да и времени на это оставалось совсем ничего. Временами казалось, что – вот, прямо сию секунду, я рухну на мощеный плитами замковый двор и отдам Богу душу. Ноги не держали совершенно, руки отваливались, и в голове стоял неумолчный гул. Только по воскресеньям мне позволялось ночевать в своих покоях, от которых я, откровенно говоря, стал понемногу отвыкать. Тогда и приходила ко мне мать. Подолгу сидела она у моей кровати, дожидаясь пробуждения. Как-то раз, проснувшись раньше обычного (сказались-таки ранние подъемы), я невольно залюбовался ее красивым лицом. Видел я его в профиль и – наверное, поэтому – оно вдруг показалось мне необыкновенно прекрасным – как на тех картинах, что висели у нас в коридорах замка. Осторожно вытащив из-под одеяла руку, я робко дотронулся до ее колена.

– Проснулся?

– Да...

– Тогда – чего лежишь? Вставай, нам сегодня ехать на

праздник!

Тоже, между прочим, то еще времяпровождение...

Если кто полагает, что сидеть в кресле и взирать на веселящихся, это здорово, то могу его уверить – он ошибается. Прежде всего, это скучно. Они там, а ты – тут. Сиди себе с серьезной миной на лице, изображай собственную важность... Куда как с большим удовольствием я спустился бы к людям – станцевал с ними, даже и просто за столом рядом посидел... А вы и не знали, какие среди простого народа попадаются собеседники? Очень даже серьезные, скажу я вам... да чего далеко ходить, прямо в замковой казарме мне такие люди встретились – чуть не в первый же день!

Вот с кем я бы просто побродил по лесу... а тут – сиди! Играй роль грозного лорда! Это из семилетнего мальчишки-то грозный воитель?

Но – как говорил Лексли, взял груз – тащи! Родился сыном лорда – будь любезен соответствовать! Вот я и впрягся...

И так прошел год.

За ним второй.

Я уже ничему особо не удивлялся, да и ноги-руки как-то понемногу перестали болеть. Голова тоже меня не подводила – всякий гудеж в ней прекратился уже давно.

Вскочить с земли на лошадь, да еще в доспехе (как это делают Коты), пока, честно говоря, не получалось. Но вот вы-

держат десятиминутный бой с двумя младшими латниками – это уже вполне было по зубам. Ну и что, что по возрасту они лишь немного меня превосходили? Они-то уже считаются почти настоящими солдатами! А я – пока еще нет...

И стрелять (правда, из собственного, специально для меня изготовленного арбалета) тоже получалось очень даже прилично. С пятидесяти шагов я бил все мишени. Со ста – девять из десяти. Дальше... ну, об этом потом...

Рос я быстро – сержант говорил мне, что в отца, наверное, удался. Во всяком разе, своих сверстников обогнал почти что на голову. И пусть в общем строю мое место было в конце шеренги, это еще ничего не значило! Вытянусь еще... и мускулы наращу!

И вот сегодня мы с Лексли сидим у костра и смотрим на руины замка. В вечерней темноте они расплываются и их очертания почти неразличимы. Весь отряд, кроме часовых, уже устроился на отдых, легла в своем шатре и мать со своими монахинями. Они, в подобных выездах, никогда не отходят от нее далее чем на несколько шагов. Удивительно, но даже суровые Коты относятся к ним вполне уважительно.

– Не по себе, Сандр? – спрашивает меня сержант.

– Да, как-то... даже толком и не пойму, неудобно как-то...

– Это «вдовья крепость» на тебя смотрит, – кивает он в сторону развалин. – Многие ощущают ее взгляд.

– И что теперь делать?

– Ничего, просто привыкни к ее взгляду.

– А зачем она это делает?

– Никто этого не знает. Даже наш епископ – и тот только руками развел. Но опасности никакой нет. Особенно – для тебя...

Показалось мне или нет, но последние слова он произнес как-то неуверенно?

– Отец погиб здесь?

Я это знаю, но почему-то еще раз переспрашиваю.

– Да. Я помню его – он стоял вон там, у ворот! – показывает рукой Кот. – А оттуда подходили войска Ордена. Они заняли всю дорогу, а хвост колонны даже не был отсюда виден. У нас у всех просто кулаки чесались – так хотелось броситься на помощь твоему отцу!

– Почему же вы этого не сделали? Или крепость нельзя было отстоять?

– Можно. Мы могли отбить приступ, во всяком случае – первый. Но... таков был приказ лорда.

– Почему?!

– Он обещал Ордену сдать укрепления без боя, если те выполнят его просьбу – разбить горцев. Они это сделали – Сандр сдержал свое слово.

– Но он же мог...

– Не мог. Он дал слово. Слово Серого. И обязан был его сдержать.

– И сдержал...

– Да. Войско Ордена вошло в ворота, и они захлопнулись

за ним. А потом... потом рухнули стены. Тут такое творилось! Земля тряслась, в нашем лагере все попадали на колени, лошади словно взбесились. Последней упала самая старая башня – «каменная вдова». До конца своих дней я не забуду этого зрелища! Она падала в абсолютной тишине, грохот на какое-то время затих... Башня не рассыпалась, она ушла в землю прямо – как и стояла. Жуткое это было зрелище, скажу я тебе...

Он качает головой. Трет рукою подбородок.

– Мы стояли здесь еще долго. Послали людей прочесать развалины – а вдруг? Но нашли только нескольких полумертвых солдат Ордена. Больше никто не выжил. Да и этих не удалось вынести – они не пересекли живыми пределов крепости.

– А наши люди?

– Они все выжили, хотя и получили основательную встряску. Ты просто не представляешь себе, что они там увидели...

Сержант снимает с пояса флягу и делает основательный глоток вина.

– Да... Мы часто сюда приезжаем. Миледи подолгу сидит и смотрит на руины. И я ее понимаю... порою мне кажется, что она с ними разговаривает. Не знаю... все может быть...

Он встает.

– Однако же – пора спать! Завтра мы выезжаем к горцам – надо быть отдохнувшими, ведь путь неблизкий.

Да, Лексли управляет и горскими княжествами – их князя присягнули моему отцу, и лорд назначил туда сержанта своим представителем. Он частенько туда уезжает и пропадает там подолгу. Вот, кстати говоря, тоже несуразность!

Лексли – всего лишь сержант!

Правда – сержант Котов. Что уже само по себе весьма и весьма неслабо.

Но горские князя его слушают и подчиняются! А ведь каждый из них имеет под своим командованием сотни воинов!

Я только сейчас начинаю понимать, насколько же серьезно они воспринимали моего отца...

– Лексли... Говорят, что отец мог убить человека голыми руками, даже и без оружия. Это правда?

– Мог, – кивает Кот. – Я это видел.

– Он так сильно его ударил? Куда?

– Нет. Просто похлопал по плечу.

– И все?!

– Да.

– Но как?

– Этого никто не знает, а сам он ничего по этому поводу не говорил. Наверное, это какой-то особый дар Серого.

Ничего себе... как, оказывается, многого я еще не знаю!

– Это большой праздник для горцев, – повернувшись в мою сторону, говорит Ален, один из младших латников. –

Сюда сегодня съезжаются многие молодые воины и их отцы.

– Зачем?

– А сегодня некоторые из них – те, что покажут наилучшее умение, могут уехать с нами. Лексли берет их в войско лорда. Кое-кого направят и дальше – в коронные полки, они охотно принимают у нас новобранцев. Знают, что неумех мы не присылаем.

– И горцам это так важно?

– Спрашиваешь! Да у них основная цель жизни каждого мужчины – война! Иначе как воином они свою жизнь даже и не представляют. Не все, правда, но те, кто думает иначе, сюда не приезжают.

– А свой дом защищать – они не хотят?

– Кто сюда полезет?! Зачем – тут же ничего нет! Да и наживать себе врага в лице Серого лорда... не самый разумный поступок. А эти земли находятся под его покровительством.

Я уже давно не удивляюсь, когда обо мне говорят в третьем лице – привык. Никто из командиров не выделял меня из-за этого, вот и все прочие мои сотоварищи совершенно не воспринимают меня в данном качестве – как лорда. По-первости меня это удивляло и даже обижало, но, поразмыслив, я все это воспринял как должное – хочу же стать настоящим воином?

Хочу.

Стало быть – терпи!

И теперь уже сам иногда повторяю слова своих товари-

щей.

Ни одеждой, ни оружием – никто из нас ничем не выделяется. Только некоторые носят мечи, взятые в бою – это почетно. Особенно, если трофей лучше того оружия, которое дает тебе лорд. Правда, арбалет у меня – далеко не рядовая игрушка. Делал его старый мастер Гант – он еще моего отца знал. Тот, говорят, передал ему какие-то особенные секреты, и доспехи мастерской Ганта теперь идут нарасхват – только успевай делать. Но всех нас мастер одевает бесплатно – в знак уважения к отцу. Лишний раз удивляюсь тому, как, оказывается, много он знал. Мне бы так!

Я, кстати говоря, не раз ловил удивленные взгляды горцев, обращенные к моему арбалету. То, что все солдаты лорда одеты в наилучшие доспехи – это всеми воспринималось как должное. Понимали, что уж своих-то воинов тот снарядит лучше всех. Даже и у короля – не все военачальники одоспешены таким образом.

А вот хорошо различимое клеймо Ганта на арбалете (скрещенные стрелы поверх щита) – удивляло многих. Оружие мастер делал нечасто, все-таки его кузнецы больше специализировались на доспехах. И уж если мастер его кому-то изготовлял...

Тем временем на площади заканчивается суэта – все готово к началу соревнований. Посередине площади возвышается помост, на котором сейчас сидят князья. Посередине по-

моста стоит пустое кресло – место верховного князя. Чуть пониже него стоит кресло Лексли – тот представляет сейчас его особу.

Еще на ступень ниже сидят все прочие князья.

По знаку одного из старших князей с места срываются всадники – кто придет первым? Сотня лучших наездников имеет шанс попасть в конные части королевства! Есть из-за чего рвать жилы – казна лорда оплачивает обмундирование и вооружение. Да и коня дают... С таким нехилым приданым и тяжелая служба воспринимается совсем по-другому.

Пыль, крики – все спешат вперед.

Тут есть одна хитрая задумка: поле, в его дальней части, сужается. Так, что в относительно узкие ворота можно проехать лишь втроем-вчетвером, да и то – спокойным шагом, с разгона не проскочить. Еще полсотни метров – финишный столб. С него надо сорвать красную ленту – и ты выиграл.

Понятное дело, что проскочить в ворота всем – не выйдет точно, кого-то обязательно оттеснят и не пропустят. Можно бить соседа нагайкой, толкать, только под копыта коней не сбрасывать – затопчут. И все равно, без травм не обошлось ни разу. Кого-то прижимали, и весьма неслабо, кого-то били, тоже, между прочим, вполне всерьез...

Мы все – сопровождающая Лексли дружина – стоим перед помостом, отгораживая его от поля, по которому сейчас несутся всадники. Сбоку и сзади, помост окружают воины горцев. Некоторые из них гордо носят доспехи со скрещен-

ными стрелами – это те, кто отслужил свое в рядах королевской армии и вернулся назад. Таких немного и относятся к ним с подчеркнутым уважением.

Вот мимо нас пронеслись первые всадники – и в воротах тотчас же образовалась толчея. Встают на дыбы разгоряченные кони, слышно их возмущенное ржание и хлесткие хлопки нагаек. Причем, многие из всадников бьют не только по коням...

– Смотри! – трогаю я за локоть Алена. – Вон та группа в темно-красных плащах!

– Что там?

А посмотреть есть на что.

Доскакав до горловины прохода, темно-красные всадники не ринулись в него, напротив, они развернулись цепью поперек, не пропуская никого дальше. Нешадно избиваемые нагайками, они, тем не менее, держат оборону. Впрочем... нет, кое-кого они все-таки пропускают! Таких же, как и они сами, и еще некоторых – с белыми повязками на голове.

– Надо сказать командиру! – говорит мне Ален.

– Мне?

– Ты увидел – тебе и докладывать!

Вопросительный взгляд в сторону десятника. Тот, услышав наш разговор, наклоняет голову – и иди!

Отсалютовав ему, взбегаю по ступеням и коротко сообщая сержанту обо всем.

Он, приглядевшись повнимательнее, усмехается и делает

мне знак остаться.

Толчея тем временем заканчивается, на шесте уже не осталось красных лент.

Все их обладатели выстраиваются перед помостом.

Прочие столпились за их спинами, разгоряченные и возбужденные, они еле удерживают своих коней.

Приглядываюсь – так и есть!

Более десятка темно-красных плащей, почти десяток белоповязочников... все они тут.

– Хитрецы! – усмехается Лексли. – Обеспечили прорыв своим товарищам...

В принципе, правила состязаний такого напрямую не за-прещают – вообще никак подобных действий не оговаривают. Тут каждый за себя.

– Кто старший? – интересуется Кот. – Среди этих – в темно-красных плащах?

Секундное замешательство, и из толпы проигравших вперед выталкивают худощавого парня на соловой лошади. Красной ленты у него, разумеется, нет.

– Как твое имя? – спрашивает наместник.

– Седер!

– Почему у тебя нет ленты?

Парень пожимает плечами. Поперек лица у него вспух след удара нагайки, один глаз заплыл от синяка.

– Плохо видел, вот и не успел сорвать. А дальше... меня оттеснили, и срывать стало уже нечего.

– То есть – ты не попал в число выигравших?

– Не попал, – кивает парень.

– Это ты придумал такой вот прием?

– Я.

– Они уедут – ты останешься. Что станешь делать в следующем году? Попробуешь снова? Так, как вышло сегодня, уже не пройдет, этот прием все видели и сделают из этого соответствующие выводы.

– Еще что-нибудь придумаю... – пожимает плечами художавый.

А говорить ему трудно! Он еще и на бок скривился как-то... видать, туда тоже прилетело основательно.

Тихо шепчу об этот Коту.

– Тебе ведь не только по лицу досталось? – интересуется он у горца.

– Не стоит внимания, это мелочь...

Ага! Да он еле в седле сидит!

Ноги сами несут меня вниз. Толпа расступается, и я подхожу к нему вплотную.

– Руку убери...

– Чего тебе? – удивляется Седер.

– Руку, говорю, убери!

Не дожидаясь ответа, приподнимаю полу плаща, который он прижимает левой рукой к боку.

Опа... а весь бок-то у него в крови! И это – уж никак не удар нагайкой, края одежды ровно разрезаны.

Протягиваю левую ладонь, касаюсь ею бока – парень дергается в сторону.

Разворачиваюсь, и, поднявшись наверх, демонстрирую окровавленную руку сержанту.

– Так... – сжимает губы наместник. – А ведь оружие использовать запрещено... Нельзя даже иметь его с собой на поле состязаний.

Среди князей проносится говорок, многие покачивают головами – осуждают.

– Пусть выйдет вперед имеющий кинжал! – встает с места один из князей. – Пусть покажет свое лицо!

Тишина...

Соревновавшиеся всадники возбужденно переглядываются. Но вперед никто не выходит.

Лексли задумчиво барабанит пальцами по подлокотнику кресла. Правила соревнований нарушены и формально он может отменить их результат. В какой-то момент его взгляд встречается с моим – он словно бы спрашивает меня – ну, что?

Перед сержантом стоит блюдо, покрытое красным платком – на нем лежат какие-то фрукты.

Секунда – и этот платок в моей руке.

Снова скрипят под ногами ступени.

– На, перевяжи свою рану! – протягиваю я платок Седеру. – Истечешь кровью... зачем? Ты и так сделал все, что мог, незачем демонстрировать свою храбрость дальше...

Он усмехается и забирает платок, неуклюже прикладывая его к ране.

– Обожди...

Все-таки, моя мать – целительница! И не из последних! Так что раны перевязывать – меня учить не нужно. Мои руки делают все это быстрее и лучше – чего уж там...

– Так-то лучше!

Горец благодарно кивает, и я возвращаюсь назад.

А наверху уже закончилось импровизированное совещание. Лексли с интересом наблюдает за мной.

– Перевязал?

– Он чуть кровью не истек. Хороший воин будет, зачем из гордости показывать глупую удаль?

– Хм! – хмыкает Кот. Поворачивается к князьям. – Сколько здесь человек, имеющих красную ленту?

– Сто! – отвечает старейший князь.

– Разве? А вон тот? – и сержант указывает на Седера. На его боку виднеется лоскут красного цвета. Издали он вполне похож на край ленты.

– Он не сорвал ее с шеста! – упорствует князь.

– Кто-то может сказать, что он получил ее бесчестным образом?

– Ему перевязали рану!

– Которой вообще-то и не должно было быть вовсе...

Горец смущенно разводит руками – говорить ему нечего. Или отменять все соревнования (что князьям совсем не по

душе – следующие, по закону, только через год), тем паче – по такой неприятной причине, или признать правильность слов наместника. Тем более, что никакие правила не оговаривают, какой должна быть лента. Красная – и все.

– Нет возражений? – Кот оглядывает князей. Те согласно кивают – никаких!

– Седер! – приподнимается сержант с кресла. – Займи свое законное место – среди своих товарищей!

Парня тотчас же окружают его сотоварищи в темно-красных плащах, хлопают по плечам, обнимают. Ну вот, стало быть, для него день зазря не прошел – уже неплохо!

А дальше был пир, на который нас, еще не совсем полноценных дружинников, не пригласили. Вполне закономерно – ты еще заслужи это право! Право сидеть за одним столом с опытными воинами. И тут уже мало кого волновало, что мы латники лорда – местные обычаи Лексли уважал. И старался без особой необходимости никого лишний раз не раздражать, демонстрируя свою (весьма, кстати, немалую) власть.

Так что мы оказались предоставлены сами себе и, с разрешения десятника, отправились верхом к озеру – уж больно заманчиво оно выглядело издали!

Да и вблизи оно оказалось очень даже красивым, было на что взглянуть.

Мы – это я, Ален и Верт, еще один из младших латников. Нас всего десять человек в дружине. Поскольку в одиночку

никому и никуда отлучаться не разрешается, мы повсюду ездим втроем.

И вода в озере была хоть и прохладной, но очень даже приятной – таково оказалось общее мнение, после того как все мы вылезли на берег – обсыхать.

– Всадники... – переворачиваясь набок, говорит Верт.

– Сколько?

– Человек пять... сюда едут.

– Одеваемся! – командует Ален. Он старше нас обоих, поэтому сейчас выступает в роли командира.

Пара-тройка минут и мы на ногах. Набросить кольчугу, подтянуть ремни... Шлем где? Вот он – на камне стоит...

Защелкнув последнюю пряжку, поднимая голову – всадники уже близко. Молодые парни, похоже, что некоторых я уже сегодня видел. Наверняка, из участников соревнования.

– На-конь!

Подъехавших гостей мы встречаем уже в полной готовности – верхом. Только оружие в ножнах, незачем им светить, ведь никто из прибывших не выказывает явного недружелюбия.

– Добрый день! – вежливо здоровается Ален.

– Приветствуешь старших? Это правильно... – важно кивает один из них. – Решили искупаться в озере?

– Да, здесь хорошая вода.

– Тут все хорошее – и вода, и земля... и небо! Вот только люди иногда попадают... всякие.

Если это не прозрачный намек на нас, то я и не знаю...

Мои товарищи, похоже, тоже это понимают.

— Люди бывают всякие, это так, — отвечаю ему. — Не только здесь — повсюду так.

— Твой командир разрешил тебе говорить? — удивляется тот из гостей, который начал разговор.

— У нас говорить имеет право каждый — особого разрешения на это не требуется.

— У вас! Но вы сейчас не у себя дома! Здесь младшие не имеют права голоса в присутствии своих командиров.

— Да? И законы лорда тут не действуют уже? Не знал...

Мой собеседник нервно кусает тонкие губы — так явно выказывать свое пренебрежение к законам верховного князя, да еще и перед воинами Лексли... мягко говоря, перебор.

— Ладно... ты все равно уже все сказал... — машет он рукой.

Его взгляд останавливается на моем арбалете — притороченный к седлу, тот висит слева.

— Откуда у тебя такое оружие? Взял в бою? — сомнение так и звучит в его голосе.

— Это подарок.

Подарок — тут все всё понимают. Подарить можно что угодно, было бы за что и кому. Хоть клинок, хоть замок.

— Надо же... Что же такого надо совершить, чтобы тебе подарили подобное оружие?

— Про то ведомо дарителю. Мне не пристало хвалиться

своими достижениями.

Которых, откровенно говоря, пока что и так не слишком много... лучше скромно промолчать – пусть себе думает, что хочет.

– Ну и ну! Так передо мною – герой? И как твое имя?

– Сандр.

Горец хмурится. И его понять можно – имя моего отца тут слишком хорошо помнят.

– Это родовое имя или нареченное?

А вот тут есть нюанс!

У горцев – два имени.

Родовое – которое они получают при рождении. Его обычно дает отец или старший в роду. В память о ком-то из великих предков или известных героев.

И второе имя – его обычно получают после первого боя или после какого-то серьезного деяния. И вот это имя может сказать про своего обладателя очень многое... иногда и не слишком приятное. Как правило, зовут человека уже по второму, родовое имя прибавляется крайне редко.

– Родовое. У нас этого вполне достаточно.

– У вас!

Он что, на драку нарывается?

А очень даже может быть... Ремешок на его ножнах растегнут, в принципе, особого нарушения в этом нет – он вне селения, имеет право. У нас этих ремешков нет, но нам и не положено – мы воины наместника, должны всегда быть наго-

тове, таков закон. А вот любой гость, приезжая в чужое село, обязан застегнуть ножны своего меча – так требует местный обычай. В знак миролюбия, так сказать.

– То есть, ты пока ничем своего имени не подтвердил? – не унимается мой собеседник.

– А кому-то требуется доказательство?

Так, похоже, что и нашему старшему этот разговор не по душе. Подобрался Алэн, чувствует что-то...

– Разве доказать свое умение и ловкость перед окружающими – это уже стало чем-то зазорным? – это вступает в разговор еще один из гостей. – Или «воинам» наместника это не к лицу?

Он трогает коня и отъезжает в сторону, освобождая нам дорогу.

– Раз так... не станем вам мешать...

Уехать?

Мешать нам, скорее всего, не станут. Но вот слухи – эти точно возникнут. Мол, трусили воины наместника, не решились силой померяться... И иди потом, доказывай, что и как было. Не исключено, кстати говоря, что именно с этой целью все и затеяно – не всем местным князьям по нраву крепкая рука Кота. Что делать?

Парни старше нас, сильнее и их больше – открытая стычка ничего не даст.

«Если не знаешь, что делать – делай шаг вперед!» – этот голос набатом ударил в моей голове – я аж дернулся!

Вперед?

Драться, то есть?

Хорошо, но как?

На мечях?

М-м-м-да... тут нам ничего не светит – парни сильнее, и у них явно больше опыта. Тут горцы нам могут еще и фору дать.

А в чем сильнее мы?

Чему нас учат лучше, чем местных парней?

– Тебе понравился мой арбалет? – обращаюсь к заводиле. – Хочешь сказать, что в твоих руках он бы смотрелся лучше?

– Такое оружие под стать хорошему воину, – ничуть не смутившись, хитро отвечает он.

– Хочешь сказать, ты стреляешь лучше?

– Не сомневайся.

А вот тут он врет! Правая рука у него явно развита лучше – мускулы на ней рельефно выделяются под одеждой. Он мечник – причем, неплохой. Так всегда бывает, если долго тренироваться, это нам еще наши учителя хорошо втолковали в свое время. Но есть и обратная сторона. Хороший мечник и одновременно хороший стрелок – редкость. К седлу слева у него приторочен простенький конный арбалет – не Бог весть что. Разброс стрел у него достаточно высок, дуги закреплены весьма непрочно, ходят при выстреле... дешевое, массовое оружие. Нет, дать залп из полусотни таких

арбалетов по скачущему противнику – можно, да и эффект от этого будет вполне ощутимый. Но вот для точной стрельбы такой агрегат совсем непригоден.

Итак – что делать?

«Навяжи ему свою волю!»

На этот раз я уже не шарахнулся от голоса в собственной голове, и внешне остался спокойным.

Наклоняюсь вниз и, вытащив кинжал, срубаю толстую ветку с растущего рядом куста. Трогаю коня и направляю его прямо на стоящих передо мною всадников.

Можно объехать – но я правлю прямо на них.

Расступитесь!

И они расступаются...

Отъехав метров на семьдесят, втыкаю ветку в расщелину скалы – теперь она хорошо видна на фоне белого камня. Закрепляю и поворачиваюсь назад.

– У тебя есть арбалет. Из своего оружия тебе не составит труда попасть в ветку.

Спорщик вспыхивает.

Одним движением он слетает на землю – силен!

Рывок – и арбалет в его руках, только треснули ремешки подвеса. Вижу, что стрелок злобно косит глазом в мою сторону, видимо, надеется увидеть мою растерянность или волнение. Делаю каменное лицо. Это еще больше раздражает и злит спорщика.

Хороший знак!

Щелчок – арбалет заряжен.

Он резко вскидывает его к лицу.

Секунда... ж-ж-ж-их!

Стрела выбивает плотное облачко каменной крошки совсем рядом с веткой. Неплохо – и даже очень! Из такого-то оружия... Да, не скажу, что мне запросто удастся сохранять свой невозмутимый вид при таком результате стрельбы.

– А еще раз? – ядовитее переспрашиваю его.

Тот аж взвился! Ж-ж-ж-их!

Ветка вздрагивает – стрела срезала часть коры. Неслабо... он и стрелок вполне себе неплохой.

Но все же не такой меткий, как я.

Прикосновение к левому уху коня – тот замирает на месте. Их специально этому учат – чтобы мы могли стрелять с седла.

Щелк!

Арбалет у меня блочный и бьет значительно сильнее обычного. А болты я сам подолгу подбираю, стараясь, чтобы они соответствовали друг другу. Проверяю древки – они должны быть ровными. Да много чего еще делаю... Мои оппоненты все извелись уже, а заводилу, наверное, удар хватит от нетерпения, если я сейчас не стрельну. Он уже, наверное, мысленно примеряется к вожаденному трофею.

Не выйдет у тебя, брат. Не сегодня. Извини.

Болт лег в ложбинку.

Краем глаза вижу движение, один из горцев заезжает сле-

ва, со стороны солнца. Зачем?

Коня хочет напугать?

Очень даже может быть – тот дернется, и я промахнусь.

Верт трогает своего коня и вклинивается между нами – заметил эту уловку? Но я уже сосредоточился на выстреле. Задерживаю на миг дыхание...

Ш-ш-ш-ух!

Падает на землю срезанная верхушка ветки.

Спрыгиваю с коня, взвожу арбалет и под недоуменные взгляды горцев поворачиваюсь спиной к мишени. Это тоже стандартное упражнение – нас всех этому учат, но для непосвященных оно выглядит необычно. Говорят, что его придумал мой отец. Не знаю... но пота я на тренировках пролил... не одно ведро, наверное.

Ален хлопает в ладоши.

Поворот, ноги скручиваются... вот я уже в полуприседе, колено касается земли...

Ш-ш-ш-ух!

Ветку вышибает из расщелины, и она отлетает в сторону.

– Ты удовлетворен?

Мой соперник прикусывает губу – крыть нечем.

– Мне показалось... или твой конь действительно хотел укусить коня нашего товарища?

Это Верт. Сидит, опершись локтем о лук седла. Поза неудобная... на первый взгляд. Это, если не знать, что будет дальше. Я – знаю. И поэтому с интересом наблюдаю за раз-

витиём ситуации.

– Ты ошибся! – возмущается горец.

– Да? – с сомнением тянет Верт. – Мне думается, что если бы я его не оттолкнул... выстрел тогда мог быть и менее точным.

– Ты хочешь меня оскорбить?!

– Я говорю о коне! – искренне удивляется мой товарищ.

– Оскорбляющий коня оскорбляет и всадника!

– Наоборот, я считаю, что это очень умное животное – он слишком принял к сердцу неудачу твоего товарища...

Всадник бросает руку влево, к мечу.

Ну да, конечно, так тебя и ждали.

Одна нога Верта уже давно вытащена из стремени, противоположного спорщику, так, что он этого даже и не заметил. Оттолкнувшись рукою от седла, мой товарищ прыгает!

Классный прием, я вот так не умею... сил пока не хватает.

Секунда – и Верт уже сидит верхом за спиною своего оппонента. А его сильные руки обхватывают того, не давая спорщику вытащить меч.

– А вот этого не надо! – назидательно шепчет мой товарищ на ухо горцу. – Вытащить меч – легко, а вот убрать его назад...

– Отпусти его! – старший из гостей трогает коня. – Или ты пожалеешь о своем поступке! Нас пятеро!

Щелкает взводимый арбалет. Мой арбалет.

– Надолго ли? Вас может стать и меньше... выбирай...

Всадники замирают. На такой дистанции я не промахнусь даже навскидку – это понимают все. Верт тотчас же прикончит своего противника – и нас станет поровну.

– Всего пятеро, Замир?

Бросаю взгляд вверх.

На краю обрыва стоят всадники в темно-красных плащах. А впереди склонился с седла Седер.

– Вы не остались на празднике... Я понимаю, проиграть на скачках неприятно, и ты расстроился. Но разве можно допустить, чтобы столь знатный человек – сын князя – уехал в дурном настроении? Поэтому, как только стало ясно, что вас нет, мы оседлали коней и бросились вдогонку – утешить вас и уговорить остаться. И сказать спасибо!

– За что?

– Ну ведь ты же не хотел нанести мне тяжелую рану, не так ли? Просто попугать... это ведь твой конь дернулся не вовремя, да?

– Не понимаю, о чем ты говоришь!

Седер поднимает руку и показывает окровавленный платок.

– Опозорить твоего отца прилюдно, указав на тебя как нарушившего правила, было бы некрасиво... по отношению к нему! Но сейчас его тут нет. Да и посторонних людей – тоже не имеется. Мы не нарушаем никаких законов, верно? Значит, воины лорда не станут вмешиваться, ведь так?

– Не станем, – соглашается Ален. – Ты в своем праве, го-

вори.

Седер спрыгивает с коня (при этом слегка морщится, видать, рана в боку сковывает движения и причиняет сильную боль) и подходит к главному из наших «гостей».

– Замир, ты ведь сильный воин?

Хороший вопрос... таящий в себе немалый подвох. Понятное дело, что признать себя публично слабым – никакой из горцев не сможет. А вот назваться сильным – это каждый второй, не считая первого. Но выскажи это, и ни под каким предлогом от поединка (или публичной схватки) уже не отвертишься. И никакая хитрость тут уже не выйдет – соратников Седера больше, да и настроены они весьма недружелюбно по отношению к нашим визитерам. К тому же, и это тоже немаловажный факт, все происходит на глазах у воинов наместника. Да, младших латников, ну и что? Формально – такие же воины, как и все прочие. Да, не Коты, так таковых тут, кроме самого наместника, нет.

– Не тебе мерить мою силу! – чуть растягивая слова, отвечает старший «гость».

Тоже хорошо сказал, надо отметить! Как хочешь – так и понимай, а за язык не ухватить.

– Согласен, – миролюбиво отвечает Седер. – У нас как-то вот не получалось померяться силами... все кто-то поперек вставал... то твой отец, то очередная твоя болезнь, то твои товарищи вмешивались некстати... Да, согласен, я сей-

час тоже не в самом лучшем виде... Но, может быть, наконец, снизойдешь? Тем более что все мы вскорости отъезжаем – вместе с воинами наместника. Или ты и об этом не знал? Ведь второй такой возможности может уже и не быть...

Судя по лицу Замира, ему и первая-то возможность совсем не по душе.

– Я не могу скрестить родовой меч с простолюдином!

И ведь не врет стервец!

Действительно, не может – есть в их законах такой любопытный пункт.

«...Да не коснется старого и уважаемого оружия сталь, менее древняя и почтенная...».

Лексли заставлял нас такие вещи наизусть зазубривать. Хитрый такой наворот, некоторым образом гарантировавший относительную неприкосновенность неразумным отпрыскам знатных родов. Ибо чего-чего, а относительно древнего, или считавшегося таковым, оружия – у них хватало. А предположить наличие такого меча у менее знатного (но более бесшабашного и обидчивого) сверстника было весьма маловероятным – не по чину... Вот и доживали, таким образом, до более-менее разумного возраста княжеские отпрыски. Надо отдать должное – такими уловками пользовались не все, честь не позволяла. Но – прецеденты были.

Были однако и другие хитрые законы и закончики...

– А кинжал? – спрашивает Седер. – Кинжал – можешь?

– У меня его нет! – фыркает Замир. – Потерял где-то, на-

верное...

– Не на скачках, случаем?

– Не помню!

Трогаю коленом коня и направляю его вперед, оказываясь, таким образом, между спорящими.

«...Да не станет позором и поношением чести славный бой между воинами, кои желают испытать крепость и силу своих рук, не прибегая для этого ни к какому оружию! Пусть будут пусты их руки, и снимут они свои верхние одежды, дабы каждый свободный мог видеть и засвидетельствовать перед старейшинами чистоту их помыслов и отсутствие всяческих уловок и хитростей»...

И это – тоже горский закон. Один из.

– Закон, в данном случае, не делает никакой разницы между князем и пастухом! – поворачиваюсь я к старшему визитеру. – Или ты не согласен? Заяви об этом перед советом князей и потребуй отмены этого закона. Имеешь право... После боя. Если же ты уклонишься от вызова, то, согласно закону, я, как представитель старшего князя и наместника, сообщу об этом сегодня же – таков мой долг! Пусть князья решают твою судьбу!

Представляю себе, каково будет их решение... Даже при наличии в совете князей отца этого «героя». Такого поношения родовой чести, как трусость и уклонение от честного поединка, ему даже собственный папа не простит. Не хочешь драться? Не доводи дело до поединка! Головой рабо-

тай, родной!

Все «гости» хмуро на меня смотрят. Недобро так...

А и пускай – взведенный арбалет лежит у меня на луке седла. И не думаю, что у кого-то хватит решимости проверить скорость моей реакции.

Да и не рискнут.

Произнеся такие слова, я мгновенно превращаюсь в глазах всех окружающих в представителя совета князей, надзирающего за соблюдением закона. Да, тут тоже не все его уважают. И нарушают – сплошь и рядом.

Но – не на глазах у всех.

Уцелей хоть один из нас – и донеси о происшедшем Лексли... я никому из нарушителей не позавидую. Очень даже... Ему здешняя земля тотчас же горячей покажется. Ни одно село его не примет – вообще никогда. Пусть даже ему станут сочувствовать – в душе. Но ловить по этой причине не перестанут. Головы даже парочки молодых княжеских отпрысков – невеликая плата за спокойную жизнь всех прочих. Тем более что в данном случае нарушен их закон.

Седер улыбается.

– Спасибо! А я этого и не знал... Так что, сын князя, ты согласен на простой бой?

А вот Замиру – явно не до улыбок.

Он покусывает губы, оглядывается.

Один из его спутников отрицательно мотает головой – что-то у них не складывается.

Стоявший справа от Седера всадник выезжает вперед.
– Итак?

Седер тянет через голову перевязь с мечом и отдает ее всаднику. Снимает и бросает на землю рубаху, оставаясь в сапогах и кожаных штанах. Крепкий парень!

Его оппонент нехотя слезает с коня. Снимает меч, расширяя узорами рубаху...

Вот как?

Под рубахой, на тонкую камизу надета кольчуга. Недешевая, изящного плетения – штучная вещь! Но, так или иначе – а ее звенья местами уже изодрали ткань. Явно Замир кольчугу повседневно не таскал, в противном случае знал бы, что надеть в таком случае. Но вот и кольчуга присоединяется к прочей одежде.

– Вы готовы? – спрашивает темно-красный.

– А что у него под повязкой? – кивает один из визитеров на Седера. – Нет ли там оружия?

– Он ранен...

– Кто это видел?

– Я видел – и даже дал ему платок для перевязки, – наклоняюсь в сторону говорившего. – Моего слова тебе недостаточно?

– Нет! – усмехается тот. – Что там говорится о повязках, знаток законов?!

– «...И если есть на его теле скрытые чем-либо раны – то пусть вложат в них свои пальцы старейшины, дабы это за-

свидетельствовать и не опорочить честное имя поединщика подозрением...» – против воли срываются с моих уст слова.

Седер криво усмехается и одним движением срывает с себя повязку – брызжет кровь из открывшейся раны.

– Хочешь вложить сюда свои пальцы? – обращается он к моему оппоненту.

Тот ничего не отвечает.

– Сходитесь! – наклоняется с седла всадник в темно-красном плаще. – Или тебе, сын князя, еще и землю подмести? Чтобы не запачкался?

Это уже почти неприкрытое оскорбление – и спутники Замира это понимают, вон какие рожи скривили, но перевес сил не на их стороне. Да и мы не останемся сторонними наблюдателями, имеем право вмешаться в таком случае. И никто нас не осудит.

Соперники, между тем, сближаются. Выставляют вперед руки, настороженно фиксируя глазами каждое движение противника. Замир осторожничает. Хоть он и крупнее своего оппонента, это княжеского сына не успокаивает, видимо, он неплохо осведомлен о бойцовских возможностях своего противника.

Рывок!

Седер только чуть-чуть промахивается, его рука лишь задевает бок Замира. Но и это «легкое» касание, судя по реакции вожака «гостей», удовольствия ему не доставляет, он отскакивает назад и кривится – больно!

Ответный выпад тоже цели не достигает.

Противники кружат по площадке, стараясь достать друг друга.

Пока безуспешно, никому неохота рисковать. Но преимущество за Замиром. Он здоров, не ранен и ему достаточно просто потянуть время – противник и так не слишком крепко стоит на ногах.

Снова выпад – опять левая рука?

Седер – левша?

Не похоже... плечевые мышцы у него развиты... словом, он не левша. Такие вещи нас научили замечать хорошо.

Да и рана у него в левый бок...

Хитрость?

Очень даже может быть...

Замир бьет ногой по земле – взлетает облако пыли. Не совсем правильно... но не запрещено.

Сработало!

Его оппонент отскакивает назад, поднося руку к лицу. Надо полагать, в глаза ему что-то попало.

И в тот же миг сын князя атакует! Удар!

Еще один!

Молниеносно мелькает ему навстречу правая рука Седера!

Вот оно как...

Что-то громко хрустит, Замир сгибается в поясе...

Еще замах – до нас доносится звук, как будто доскою уда-

рили по мешку с мокрым песком.

– Хватит! – поднимает руку Алэн.

И действительно – сын князя уже неподвижно лежит на земле, а его оппонент протирает глаза. Они на самом деле запорошены песком – Седер почти ничего не видит.

Подхожу к нему и снова перевязываю рану.

– Похоже, это станет моей привычкой... лечить твои раны!

– Благодарю...

– Пустяки! Ты и в самом деле бил его вслепую? На слух?

– Да. Иначе бы он не подошел достаточно близко... у меня был всего один шанс!

– И ты его успешно использовал!

Горец усмехается.

– Ну, рисковать я не мог – он все же сильный воин...

Ну да. И никто не упрекнет его в том, что он слишком сильно покалечил противника – ведь он бил наугад!

А кстати, рана-то у горца подзатянулась... не совсем, понятное дело, но все же... Интересно! Надо будет матери рассказать, она в этом деле мастерица, может быть, и объяснит – как такое может вообще быть?

– Ты уж поосторожнее теперь, хорошо? – говорю я ему, заканчивая перевязку. – Эдак никакой целитель тебя не вылечит – если с коня скакать станешь да повязки срывать...

Он молча хлопает меня по плечу и поворачивается к своим всадникам.

Однако, надо же и его противника осмотреть. Мало ли... Пересуды, относительно того, что воины наместника помогают одним против других – нам точно без надобности. Странное дело, но соратники княжеского сына молча расступаются в стороны, давая мне проход к телу. Никто и не пробует меня задержать или хотя бы что-то спросить. Я просто иду прямо на них – и они отходят в сторону.

А вот тут все плохо...

Переворачиваю его на спину, аккуратно ощупываю кости. Как минимум, у Замира сломано два-три ребра. И это – еще полбеда. Удар, нанесенный его противником, несомненно, повредил и какие-то внутренние органы. Касаюсь его груди и чувствую, как немеют от холода мои руки – аж заledenели. Кстати, тоже весьма любопытное явление, раньше такого не случалось. Сколько я ни осматривал раньше раненых – никакого холода в руках никогда не было.

Так или иначе – а мужику плохо. И даже очень.

– Вырубите жерди! – поворачиваюсь я к его спутникам. – Растяните между ними плащи и положите его на них. Верхом ему сейчас ехать нельзя! Отвезите в селение, пусть осмотрит его опытный целитель. Не затягивайте – раны очень серьезные.

Ну да, на губах у раненого ярко-алая кровь. А это может означать также и то, что сломанное ребро пробило легкое. Очень плохо...

А дальше...

Дальше был путь назад. Я постоянно находился рядом с раненым. Надо полагать, его тяжелое состояние как-то повлияло и на меня, около селения я чуть с коня не навернулся, запоздало среагировав на его движение. Правда, Замирамы, в итоге, довезли живым – и даже в сознании.

Хорошо, что хоть к Лексли не надо было ехать всем вместе – докладывал наш старший. И, слава Богу, потому что я уже почти отключился...

Путру нас всех (и нас, и всех горцев) пригласили на княжеский совет – князя еще не все разъехались.

Разборы были недолгими: выступил Ален, потом Седер и старший из спутников князя.

Поединок признали честным. А что до последствий... так всякое бывает...

Неожиданно вперед выступил какой-то дряхлый дед. Несмотря на свой древний возраст, горец, видно, имел немалый вес в глазах своих сородичей, потому что при виде его приумолкли разговоры окружающих, и даже князя с почтением обратили свои взоры в его сторону. Дед, старый, как мироздание, выдержал солидную паузу, поглаживая обеими руками длинную, почти до пояса, седую бороду, попутно осмотрев всех присутствующих внимательными непроницаемыми глазами.

– Я осматривал раны Замира... – обводит он всех присутствующих тяжелым взглядом. – И у меня есть вопросы... к

тому, кто делал это до меня.

Так... что-то тут не то...

– Кто осматривал его до меня?

Делаю шаг вперед.

– Ты?! – дед недоверчиво меня оглядывает. – Давал ли ты ему какие-нибудь снадобья?

– Нет. Да у меня их и не было...

– Они были у его спутников.

– При мне они ему ничего не давали.

– Так... – задумчиво бормочет дед. – А его – ты тоже осматривал?

Он кивает на Седера.

– Да. И перевязывал – дважды.

– Подойди сюда! – командует дед горцу.

Тот делает несколько шагов вперед.

Старик, склонившись, неожиданно ловкими пальцами разматывает повязку и осматривает рану.

– Ты был ранен позавчера?

– Да, уважаемый Ланг.

– Хм! Я бы сказал – на прошлой неделе... Ты! – поворачивается он ко мне, – подходил к нему перед схваткой?

– Нет. Это могут засвидетельствовать все присутствующие.

– Хорошо... У меня больше нет вопросов, почтенные!

– Но в чем дело, уважаемый Ланг? – это отец Замира.

– А в том, почтенный Най, что твой сын должен был уме-

реть еще вчера, сразу после схватки! Удар, который сослепу нанес ему этот драчун, был слишком опасен! Я понимаю, он бил наугад и не мог видеть своего противника...

Зато мог его чувствовать, в этом я не сомневаюсь.

– ...Но легче твоему сыну от этого не стало бы! И только рукам этого юноши, их чудодейственной силе, ты обязан тем, что Замир еще видит свет! И сможет в будущем встать на ноги! Если нам всем повезет вторично...

Лексли замирает в своем кресле, его сильные руки стискивают подлокотники. Мне кажется, что вот-вот и треснет прочное дерево.

– Ты уверен в этом, уважаемый Ланг? – голос Кота все так же спокоен и деловит.

– Я-то? – старик усмехается. – Не знаю, наместник, много ли ты видел на своем веку целителей, но уж тут-то можешь мне поверить! Только благодаря силе этого мальчишки Замира довели живым до селенья! Да посмотри на рану этого драчуна – она же заживает на глазах! Какие тебе еще нужны доказательства?

Отец Замира встает и подходит ко мне. Опускается на одно колено.

– Ты спас мне сына... Проси, что хочешь!

Вот тебе и раз... «что хочешь»... Прямо глаза разбегаются от предоставленного выбора!

И что делать?

– Как твое имя? Все в моем роду будут его помнить вечно!

Так... я что-то должен сказать?

– Его имя – Сандр! – голос Лексли сух и официален.

Князь непроизвольно дергается.

– Его назвали в честь нашего верховного князя? Это большая честь и он ее заслуживает!

– Не только поэтому, – Кот совершенно невозмутим и официален. – Он Сандр Ерш – по праву рождения!

Ну, какой, в болото, из меня верховный князь? Я и двух слов-то толком связать не умею. Вот Лексли – это, да! Тот еще мастер! Как он, буквально одной фразой, может все расставить по своим местам. Похоже, что его вообще ничем и никак невозможно смутить. Даже такую совершенную неожиданность, как случай на поединке, он сумел (мне бы так!) повернуть к всеобщему удовольствию. То есть – на благо лорда. И теперь у меня есть мой личный вассал – князь Най. Его настолько впечатлило происшедшее с сыном, что князь немедленно мне присягнул. Лично, от всего своего рода, как глава. Не как наследнику верховного князя горцев (князя по избранию!), а как лорду Сандру Ершу. Что весьма порадовало дальновидного Кота. Дело в том, что именно этот князь являлся одним из самых «проблемных» горских властителей. Относительно мало пострадавший в войне, Най сохранил свои силы и даже несколько их преумножил за последнее время. Он не стал еще головной болью для наместника, но мог ею стать! Такой неожиданный вариант решения вопроса очень даже пришелся ко двору, разом устранив множество

проблем и проблемочек. Поступок князя произвел впечатление на многих, да и вся обстановка, этому сопутствующая тоже. Кроме того, на всех присутствующих оказал немалое воздействие тот факт, что наследник лорда служит обычным (младшим!) латником в дружине. Впечатлило, и многих.

Все то время, что мы еще оставались в селении, со мною уважительно здоровались на улице, прикладывая кулак правой руки к сердцу. Я вежливо отвечал, хотя за пределы лагеря меня отпускали теперь крайне редко.

А вот кого эта новость огорошила совершенно – так это Седера! В один из дней, в сопровождении своих темно-красных всадников, он заявился к нам в лагерь. Попросив часового вызвать меня, он терпеливо ожидал, пока я выйду к нему.

– Приветствую тебя, Сандр!

– И тебе доброго здоровья! – прикладывая кулак к сердцу.

– Отчего ты не сказал мне сразу?

– Не сказал чего?

– Того, что ты – наследник лорда.

– Это что-нибудь изменило бы?

– Нет, – смущается горец. – Просто... Мне даже нечем тебя отблагодарить по достоинству! Мой род не слишком знатен... и небогат.

– Когда в бою тебе перевяжет рану товарищ, его ты тоже должен будешь вознаградить за это?

– Так то – в бою!

– А рана, полученная в бою, чем-то существенно отличается от твоей? Не знал!

Седер делает шаг вперед и протягивает мне раскрытые ладони.

– Я старше тебя... Ненамного, но все же... Вообще-то, именно я должен был опекать младшего и помогать ему. Везде и всюду. Так должно быть – однако не случилось. Я оказался не в силах исполнить свой долг. Вышло иначе – ты поддерживал меня. Там – на поле скачек и после. И я сохранил свою честь, да и многого другого теперь смогу достичь. Мы все – те, кто здесь присутствует, отпрыски не самых знатных родов. Но за нами стоят наши родственники, друзья... Ты всегда можешь на нас рассчитывать! Только скажи...

– Я благодарен тебе, Седер, – произношу я отчетливо, глядя ему прямо в глаза. – Но я поступил с тобой так, как и с любым человеком, который нуждался бы в моей помощи. Я хочу сказать, что ты мне ничем не обязан.

– Позволь мне самому судить об этом, Сандр, – пылко возражает Седер.

– Изволь, – я устал спорить и уступаю ему это право. – Но я хочу, чтобы ты понимал – всему, что я сделал, меня научили самые близкие для меня люди – моя мать и мой наставник, сержант Лексли. Наверное, в первую очередь, это им ты обязан всем, что с тобой произошло, а не мне...

– Позволь мне самому судить об этом, Сандр!

– Как знаешь...

Уже когда мы покидали горные ущелья, на одном из привалов ко мне подошел Лексли. Присел рядом, ответив на приветствия моих товарищей. Кто-то протягивает ему кружку с горячим напитком, Кот благодарно кивает. Нет ничего необычного в том, что наместник сидит с нами рядом – у вечернего костра чинов нет. Каждый из нас выполнит, не раздумывая, любой приказ командира в бою, но на привале у костра – он один из нас, воин. Более опытный, намного более знающий, старший, но один из нас. И отношение к нему здесь, хоть и уважительное, но без подобострастия, как к старшему товарищу.

– Соскучился по дому? – спрашивает он.

– Есть немного...

– Придется тебя еще расстроить – мы сделаем небольшой крюк!

– Крюк?

– Навестим «Вдовий замок».

То самое место... При звуке этих слов меня невольно пробивает дрожь. Да, я знаю, что там давно уже нет ничего опасного и страшного. Но... окрестные жители до сих пор обходят его стороной, и их можно понять. Место, где мгновенной и страшной смертью погибла многотысячная армия, внушает необъяснимый страх и невольное уважение по сей день.

Но, не показывая вида, пожимаю плечами.

– Ну, раз надо...

– Надо.

Кот наклоняется к костру и поправляет бревнышко.

– А вообще – ты молодец! Правильно себя вел, хвалю!

Услышать благодарность из его уст – явление само по себе редкое. И приятное, чего уж там говорить...

– Спасибо!

– А вот тут – не за что! Моей заслуги в этом нет, все произошедшее – дело исключительно твоих рук. Да признать-ся, никто и не ожидал, что подобные способности возникнут именно у тебя.

– Отчего же? Разве дар целителя не передается по наследству?

– Как правило – нет. Потомственных целителей можно сосчитать по пальцам.

– Но все же – они есть!

– Есть...

Тяжелые шторы на окнах и дорогие ковры на полу приглушали звуки, и поэтому король не сразу заметил появление гостя. А услышав, наконец, его шаги, спросил, не поворачивая головы.

– Ты, Легенс?

Особой прозорливости в этом не было – только графу Легенсу дозволялось входить к нему без доклада.

– Я, Ваше величество...

– И какие новости ты принес на этот раз?

Паппий Второй с утра находился в не самом приятном расположении духа. Оттого и сидел сейчас в своем кабинете, задумчиво уставившись взором на низко нависшие облака.

– Прибыл гонец, Ваше величество. С гор...

Король поморщился. Всякое упоминание независимых (от него) горских княжеств было ему неприятно. А уж сознавать, что вся эта безбашенная вольница находится в подчинении у женщины – и вовсе невыносимо! Да, роль наместника там выполняет Лесной Кот – так и что с того? Старик не раз подчеркивал то, что в данных вопросах он исполняет лишь волю покойного Серого, а вовсе не соблюдает интересы королевства. В том же, как именно трактовать последние, у Паппия и Котов имелись существенные разногласия...

Но изменить тут было ничего нельзя. Пока, во всяком случае...

– У сына открылся ДАР.

– Уже?! И кого же он успел убить?

– Дар целителя, Ваше величество...

Несколько мгновений король переваривал услышанное.

Потом резко вскочил на ноги – его апатию как рукой сняло!

– Ты уверен?!

– Он исцелил двух человек. Причем, одного – раненого очень серьезно. Прилюдно. Местный целитель это подтвердил.

– Ошибка исключена?

– Полностью, Ваше величество.

– Так-так-так! – король сделал несколько шагов по кабинету. – А ведь это все меняет, Легенс!

– Что именно, Ваше величество?

– Целитель не может быть лордом!

Граф вздохнул.

– Если бы все было настолько однозначно, Ваше величество... Дворянином – может, такие случаи были, и хорошо известны. Это всеми признано и ни для кого не секрет. А раз так – то нет никаких законных оснований отрицать и иное. Нас не поймут... Да и Церковь... она тоже не поддержит нас.

– Черт! – король с досадой топнул по паркету. – Еще и эти... А ведь как хорошо все выходило! Раз по достижении совершеннолетия мальчишка не смог бы принять на себя обязанности лорда, то мы имели бы формальный повод возложить свою опеку на графство Мег.

– Ну... – осторожно ответил граф, – это тоже не совсем... Формально – да! Но это решение пришлось бы проводить через коронный совет... Нет, оно бы, разумеется, прошло! Но все же...

– Опять твои вечные перестраховки! – Паппий неприязненно покосился на своего главного интригана. – Вечно ты видишь опасность там, где ею и не пахнет!

Легенс виновато улыбнулся.

– Это – мой долг, Ваше величество! Должен же кто-то всегда стоять на страже?

– Должен... – проворчал король, остывая. Подошел к столу и опустился в кресло. – Садись...

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Ваше величество...

– Ну?

– Здесь есть и хорошая сторона...

– Да неужто?! И где она?

– Правило двух ошибок, Ваше величество... У его матери они уже были... Не думаю, что сын свободен от него.

– Ты хочешь...

– Выморочное имущество принадлежит королю...

– Если нет иных наследников.

– А они есть? В данном случае, Ваше величество? Я про таких ничего не слышал. Те же Коты – обязаны будут, соблюдая закон, передать графство Мег под вашу опеку. Самое богатое графство королевства! И неплохо управляемое, надо сказать!

– И никто не упрекнет короля...

– ...Свято соблюдающего законы королевства. Как писанные, так и иные.

– Осталось лишь найти настолько неизлечимого больного.

– Не одного, Ваше величество. Одного – только для матери. А лучше – двух. И троих для сына.

– Мне что, надо какой-то мор устроить, что ли? – буркнул король. – Право слово, ее свадьба с нужным человеком меня устроила бы больше!

– Увы, Ваше величество... – развел руками советник, – тут нам ничего пока достичь не удалось...

– Да уж... – буркнул король.

– Но мы хотя бы не допустили нежелательного для нас брака, – в качестве утешения многозначительно заметил Ле-генс.

Оба государственных мужа грустно вздохнули.

Эта история имела давние корни...

Несмотря на то, что земли и саму Мирну с сыном постоянно защищал отряд глубоко преданных ей Лесных Котов и собственное, хорошо обученное войско, а могущественная Церковь оказывала всяческую протекцию, ее жизнь нельзя было назвать спокойной и беззаботной. Правда, первые лет десять после исчезновения лорда Сандра страх перед Серым рыцарем, глубоко засевший в сердцах и душах обывателей, удерживал искателей выгодных браков от посещения замка. Кто знает... эти Серые – они ведь не от мира сего. Погиб этот, но вдруг придет новый? У Мирны была относительно долгая передышка, позволившая ей поднять на ноги сына, овладеть наукой самозащиты и преуспеть на ниве врачевания. Долгие летние дни она проводила в постоянных исследованиях растений в окрестных лесах и полях, упражнениях с мечом, стрельбе из лука и арбалета. Зимой же часами просиживала за старинными трактатами о свойствах трав, составляла лечебные настойки, а вечера проводила в играх

с сыном и долгих научных беседах с монахами, частыми гостями ее замка. Она постоянно врачевала пациентов, доставляя частыми отлучками беспокойство телохранителям. Немалую толику времени отнимало управление обширными землями – почти ежедневно приходилось встречаться со своими многочисленными вассалами, выслушивать их просьбы и жалобы, судить, зачастую выезжая в отдаленные уголки графства, чтобы на месте убедиться в той или иной ситуации и принять правильное решение. Определенное беспокойство в жизнь вносили горцы. После смерти мужа этот воинственный и темпераментный народ перешел в ее подчинение, и эту власть упускать было никак нельзя. От вдовы лорда требовались решительность и недюжинный авторитет, чтобы сделать горцев более или менее управляемыми.

Однако спустя определенное время в замок стали периодически наезжать различные искатели легкой, и не очень, наживы. Поначалу гости вели себя осторожно и под разными предлогами присматривались к потенциальной невесте. Мирна и впрямь была необычной женщиной. Ее уникальность состояла в том, что кроме недюжинного ума и привлекательной внешности, она имела особый статус: во всем государстве не было практически никого, равного ей по положению. Вдова Серого лорда и Кардинала Церкви – это звание по своей значимости стояло особняком, резко выделяясь среди всех прочих. По сути, ей просто не было равных – только король и герцог Ламар превосходили ее в данном слу-

чае. Нельзя сказать, что государь был сильно рад такому положению дел. Поскольку он являлся человеком женатым и, в определенном смысле, положительным, то брак с Мирной ему никак не светил. Супруга короля, унылая и бесцветная особа неопределенного возраста, сумела произвести на свет наследников мужского пола, чему государь был несказанно рад. Старший наследник по возрасту вполне подходил бы в супруги, да и племянник – чем не муж для молодой и богатой вдовы? Знатный род, высокое положение – все присутствует! Но вдруг считавшийся погибшим лорд Сандр еще вернется? Или очередной Серый возьмет вдову своего собрата под опеку? И король до поры не форсировал события. Однако внимание к себе королевского дома Мирна ощутила совершенно отчетливо после ряда событий, происшедших в ее жизни.

Случилось так, что к ней стал наезжать очень приятный и весьма образованный граф Фарон. Она благосклонно принимала ученого гостя, который обладал обширными познаниями в астрологии и хиромантии. В интересных беседах с ученым мужем хозяйка замка и другие гости с увлечением проводили застольное время, наладилась даже переписка Мирны с графом на основе их общих интересов к наукам. Со стороны это могло быть похоже на ухаживания. Результат последовал довольно быстро. Королем был издан указ, приравнивающий хиромантию и астрологию, равно как и другие попытки предсказания будущего, к чернокнижничеству, а стало быть, запрещающий все подобные занятия. Все осо-

бы, занимающиеся подобной практикой, моментально оказались под угрозой обвинения в колдовстве. Сотни бродячих гадалок и предсказателей, десятки ученых и студентов, а также несколько профессоров из столичного университета в один момент лишились прав на свои занятия и попали в опалу. Не стал исключением и граф Фарон, один из самых известных хиромантов королевства. Он был вынужден бежать в сопредельную страну, где, впрочем, был принят с распростертыми объятиями другим монархом, в семье которого, к счастью, не было сыновей, созревших для брака, кому он мог бы составить конкуренцию. Да и хиромантию там никто не преследовал...

Второй, не менее странный случай произошел немного позже, когда в замок к вдове стал заезжать барон Далал. Огромный рост и чудовищный вес барона вызывали при дворе смесь зависти и насмешек, но барон был добродушен и незлобив, поэтому насмешникам скоро надоело упражняться в остроумии и они оставили этого гиганта в покое. Удалившись от придворной жизни, Далал осел в своем замке, имевшем общие границы с владениями Мирны. Как добропорядочный сосед, барон заехал к своей овдовевшей соседке, чтобы засвидетельствовать свое почтение и безнадежно влюбился в милую женщину. Не отвечая барону взаимностью, она, тем не менее, охотно принимала соседа, обсуждая с ним вопросы управления хозяйством, политическую обстановку в стране, ход работ по возведению хозяйствен-

ных построек и защитных сооружений вокруг замка и иногда выезжала с соседом на охоту. Лошадь под бароном была знатной – гигантский жеребец был больше похож на бегемота, чем на скакуна, а всадник с лошастью вместе производили незабываемое впечатление не только на людей, но и на дичь, заставляя ее застывать в недоумении и ужасе, становясь, таким образом, легкой добычей для охотника.

Мирне был выгоден надежный и дружелюбно настроенный сосед, поэтому она поощряла визиты барона, не давая ему при том никаких надежд на развитие отношений. Но со стороны (особенно – с заинтересованной), опять же, все выглядело подозрительно. Донесение верного человека попало в канцелярию и пришло время принимать меры. Наверное, королевские советники долго чесали себе головы, чтобы придумать, как отвадить нежелательного ухажера от потенциальной невестки короля, но спустя примерно полгода после начала дружбы барона и Мирны в государстве был принят новый закон, запрещающий мужчинам весом более семи талантов¹ жениться. Это был тонкий и рискованный политический ход, учитывая, что сыновья монарха были не так уж и намного меньше запрещенного веса, и с каждым днем уверенно и стабильно увеличивали свои шансы навсегда остаться холостыми при новом законе. Надо сказать, что подавляющее население страны никогда не страдало избыточным весом, и тучность барона была напрямую связана с наслед-

¹ 1 талант – 26 кг

ственностью и добродушным нравом, позволяющим ему не испытывать приступов гнева, зависти и раздражения, собственных высшему сословию. Закон получил подозрительно быстрое и повсеместное распространение, вызвал массу недоумений и волну народного юмора. Но на барона эта новость оказала потрясающее действие. Он впал в черную депрессию и, наверное, впервые в своей жизни, потерял сон и аппетит. Он заперся в стенах своего замка и занялся опустошением его несметных винных погребов. Подобное не свойственное ему прежде поведение немедленно начало сказываться на здоровье барона. Он начал быстро и уверенно терять в весе. Не желая никого видеть, отказываясь принимать гостей и выезжать к соседям, барон общался только со своими слугами, которые, будучи напуганными переменой настроения своего господина, боялись даже намеком сообщить Далалу, что он буквально тает на глазах. По их твердому убеждению, их хозяин впал в помешательство из-за сглаза, а также заболел какой-то страшной болезнью и вот-вот должен отправиться в мир иной. Роняя слезы отчаяния, служанки перешивали одежду господина, которая стала болтаться на нем, как на привидении, а кузнец только разводил руками, глядя на рыцарские доспехи барона, враз ставшие ему чрезмерно большими. В замке стояли испуганная тишина и прочное уныние.

Разбила оковы отчаяния, сковавшие замок, сама Мирна, ворвавшаяся через три месяца после добровольного зато-

чения барона в ворота родового гнезда семейства Далалов. Сметая на своем пути все видимые препятствия в виде слуг, нагромождения мебели и гор пустых бутылок, небольшой отряд Мирны, состоящий кроме нее, из трех вооруженных до зубов Лесных Котов, добрался за считанные минуты до спальни, где тревожным сном забылся после очередной бутылки вина несчастный влюбленный барон. Отбросив тяжелые оконные портьеры, она резким движением развернулась навстречу поднимающемуся с постели полуодетому и помятому мужчине. Возглас изумления сорвался с губ Мирны и ее группы сопровождения. Перед ними, в тусклом свете дня, пробивающегося сквозь мозаичное окно спальни, слегка пошатываясь, стояла, можно сказать, половина барона. Он основательно похудел и выглядел помолодевшим и постройневшим.

Временно воцарившиеся мир и спокойствие в замке барона, впрочем, вскоре были незначительно нарушены новостью об отмене «по нижайшим просьбам подданных короля» закона, повергшего Далала в такое глубокое уныние. Барон страшно разозлился, и своим огромным мечом, изготовленным под его гигантский рост, изрубил в припадке несвойственной ему ярости половину старинной мебели в большом обеденном зале. После этого он окончательно успокоился и вновь стал наезжать к своей привлекательной соседке. Изумительные метаморфозы, произошедшие с толстяком и добряком бароном, не остались незамеченными женской частью

местной знати, и к похорошевшему барону стали проявлять внимание овдовевшие графини и баронессы (а также их дочери), мечтающие заполучить себе выгодного и знатного мужа. Однако барон упорно преследовал Мирну и уже был готов к решительному объяснению, как вдруг в государстве вышел очередной «неожиданный» закон, касающийся бракосочетаний, согласно которому вдовы, под страхом смертной казни, не имели права выходить замуж за мужчин выше двухметрового роста. Обычных же девиц этот указ не касался совершенно. Это был удар ниже пояса. Барон был выше двух метров, и его мечты на брак с Мирной рассыпались, как карточный домик. Сам барон обладал достаточной смелостью и влиянием, чтобы пренебречь королевским указом ради своих чувств, но подставить любимую женщину под удар он, конечно, не мог. Зато дочери окрестных дворян, потеряв столь серьезную конкурентку, тотчас же обрадовались и возбуждились, почти до неприличия.

Нельзя сказать, что пристальное внимание королевского кабинета министров к брачному законотворчеству казалось жителям страны чем-то необычным. Юриспруденция в государстве процветала, и законы издавались чуть ли не ежемесячно, причем порой они противоречили друг другу и здравой логике. Основная их масса обычно касалась этикета и внешнего вида жителей. Ну и вопросы налогообложения (в той мере, в какой королю удавалось преодолеть сопро-

тивление знати) постоянно совершенствовались, усложняя жизнь подданных до невозможности – денег королю вечно не хватало. И лишь упорное отстаивание собственных привилегий в данном вопросе позволяло знатым лордам как-то умерять пыл крючкотворов Его величества. Следовать всем постановлениям и актам не было никакой возможности, по причине их многочисленности и чудовищной запутанности, но население быстро сориентировалось и реагировало только на те, за нарушение которых полагалась смертная казнь. Остальные же либо тихо обходились, либо откровенно саботировались населением.

Достаточно вспомнить историю с серьгами, чтобы понять, что законы не вечны, а моду законами не остановить. Основное равнинное население всегда с подозрением и недоверием смотрело на горные районы, где обитали непонятные драчливые и неуправляемые народы. Их обычаем было носить серьгу в левом ухе. Ага, стало быть, отличительный знак. До момента, пока горцы жили своим отдельным миром, об этой традиции с серьгой никто толком и не задумывался. Серьги просто не было принято носить мужчинам. Но с тех пор, как Лорд Сандр завоевал горное княжество, его вожди, как вассалы Мирны, во время ее редких визитов в королевский дворец стали там появляться. Знать, всегда разрозненная и занятая подковерными интригами, немедленно объединилась против «дикарей» и осудила в них все с головы до ног – от оружия и необычной внешности горцев, до их ко-

стюма и серьги в ухе. Королевская канцелярия отреагировала немедленно и издала указ, запрещающий законопослушным подданным носить серьги. Но этого «законотворцам» показалось мало, и серьгой в ухе как отличительным знаком отныне «награждались» женщины легкого поведения, преступники, дезертиры... и горцы. Впрочем, последним на закон было наплевать, поскольку эту серьгу они носили испокон веков – она являлась отличительным признаком младшего в роду. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство. На одной из цеховых пирушек подвыпивший ювелирный мастер, любитель споров и большой хвастун, побился об заклад, что изготовит такие серьги, которые вдеть в ухо не побрезгует не то что портовая шлюха, но и знатная дама или дворянин. Спор получил неожиданно широкую огласку. Ювелир изготовил-таки несколько изумительных по красоте серег, впрочем, не надеясь особо на успех своего предприятия и проклиная свою слабость к пьянящему полугару, подаваемому в изобилии на цеховых пирушках. Но тут опять подыграл случай. В дело вступила, как двигатель прогресса, молодежь – оруженосцы, пажи и герольды. Невзирая на запрет, юноши стали вдевать себе серьги в уши, тем самым подчеркивая свою значимость, уникальность и даже пикантную маргинальность. Мода быстро получила распространение среди высшего сословия. Ювелир несметно обогатился. Закон стал мешать знати и даже королевской семье выражать свою индивидуальность путем ношения серег. Реакция

не заставила себя ждать. Прежний закон был отменен и издан новый, уже запрещающий женщинам легкого поведения, преступникам и горцам носить серьги. Горцы очередной раз начихали на указ, демонстрируя свое полное безразличие к государственным структурам, которые они отродясь не признавали и не собирались признавать. Впрочем, теперь серьги носили все, у кого на то были деньги, невзирая на принадлежность к сословию и род занятий.

Таким образом, чехарда с законами в государстве была привычна для обывателей и, в принципе, мало кто задумывался о природе их возникновения. В самом обществе бытовали порой нелепые и необъяснимые пристрастия или запреты, к которым король не имел никакого отношения.

К удивлению окружающих, Мирна была свободна от множества предрассудков, владеющих умами и душами ее соотечественников, существенно тем самым опережая свое время. Она, не раздумывая, протягивала руку помощи всем нуждающимся, невзирая на сословие и их положение в обществе, бескорыстно лечила больных, привечала целителей, ученых, артистов и просто талантливых людей. И благодаря этому в замке ее окружали неординарные и весьма преданные ей люди. Порой Мирне удавалось приобретать друзей целыми компаниями, как это случилось с ней во время поездки в одну из отдаленных деревень, где она врачевала нескольких больных, заразившихся горячкой от паломников, ночевавших в их домах. Болезнь была тяжелой, и при-

шлось биться с заразой всеми известными ей средствами – травами, молитвами и, конечно, с помощью природного дара исцеления, данного ей от рождения. Болезнь отступила, но Мирна была еле жива от усталости. Тем не менее, она вежливо отклонила горячее и искреннее предложение остаться в деревне еще на одну ночь и твердо решила добраться до замка сегодня, как бы поздно это ни случилось. Как обычно, в дороге ее сопровождала надежная охрана, сам командир ее стражи – сержант Лексли пожелал размяться и отправился с Мирной в дорогу, оставив замок на попечение своим заместителям. Однако на обратной дороге в замок не лихие люди и ухабистая дорога чинили препятствия усталым путешественникам – с гор внезапно пришла непогода. Ледяной дождь и пронизывающий ветер, заключив успешный союз, набросились на землю и все живое, что попадалось у них на пути. Холодная вода хлестала по лицу, несмотря на глубокие капюшоны, стекала по волосам, пропитывала влагой теплые шерстяные плащи, которые тут же становились тяжелыми и тянули всадников к земле. Промозглый ветер забирался под многочисленные слои одежды, залетал в рукава, забирался под полы камзолов и туник, продувал насквозь надвинутые на головы шапероны и худы, и, похоже, от часа к часу погода только ухудшалась.

Мирна не поехала в карете, так как дороги уже давно размыло дождями и трястись на каждом ухабе несколько часов подряд представлялось ей сомнительным удовольствием. Но

сейчас, оказавшись лицом к лицу с разбушевавшейся стихией, она, пожалуй, немного пожалела, что не имеет никакой крыши над головой.

– Миледи, вы заболаете, а на меня потом навешают всех собак святые отцы! – громко и недовольно бурчал Лексли. – Вам стоило бы вернуться в деревню, а завтра поутру мы бы прекрасно поехали домой. Что за необходимость так рисковать собственным здоровьем?

– Мой дорогой Лексли, вы знаете, что мы три дня не были в замке. Я соскучилась по сыну, и потом – меня ждут домашние дела. И вы сами наверняка будете рады оказаться дома. Вот еще немного, и мы увидим стены замка, – улыбаясь синими от холода губами, сквозь завывание ветра прокричала Мирна в ответ.

Она сильно надеялась, что голос не выдал дрожи, которая терзала ее всю дорогу. Страшная усталость свинцовым грузом лежала на ее плечах, головная боль сковала виски, и Мирна боялась, что вот-вот упадет в обморок от слабости и холода.

– Я пожалуйсь на вас лично епископу, – настаивал сержант. – Надеюсь, он вразумит на будущее удерживаться от таких рискованных решений. Кто будет лечить вас саму, если заболаете?

– В следующий раз, сержант, я обязательно приму ваш совет, хорошо? А сейчас, прошу вас, давайте поторопимся домой, непогода крепчает.

Дорога, или то, что от нее осталось, петляла по холмистой местности, грязь противно чавкала под копытами лошадей, небо упорно бросалось в людей и животных целыми пригоршнями воды, смешанной со льдом. Осталось совсем немного, вот-вот из-за поворота появится крепостная стена. И тут по знаку переднего всадника небольшой отряд замер.

– Там кто-то есть, сержант! – доложил дозорный сержанту Лексли. – Высланные вперед стражники заметили повозку и какое-то движение.

– Сколько людей?

– Не более четырех-пяти человек. Темно, плохо видно, но не похоже, что это засада.

– Место неудачное для засады, это правда. Мы почти под стенами замка, гораздо умнее было бы напасть на нас в лесу, – согласился Лексли.

– Отряд, стой! Окружить миледи! Приготовиться к бою! Двое – вперед, проверить обстановку. Моран, в случае опасности трубите в рог – на помощь придет отряд из замка, – скомандовал Лексли. Обернувшись к воинам, окружившим Мирну, коротко бросил старшему из оставшихся стражников:

– Услышите рог, немедленно разворачивайтесь и скачите назад. Скройтесь в лесу и ждите сигнала из замка. Любой ценой защитите жизнь нашей госпожи. И накиньте на миледи свой плащ, не ровен час, разглядят еще, кого мы сопровождаем.

И, коротко кивнув Мирне, сержант тронул стремянами бока своей лошади и исчез в темноте. Минут пять томительного ожидания в полной неизвестности показались ей целой вечностью. Она молила Бога, чтобы все разрешилось благополучно. Темными неподвижными фигурами отряд застыл на середине дороги, готовый немедленно рвануться в бой или сорваться в бег – в зависимости от ситуации. Впереди наконец замаячили силуэты приближающихся людей. Воины плотнее сомкнули лошадей, окружив графиню плотным кольцом. В этот момент сверкнула особенно сильная молния, и в ее свете Мирна через плечи стоящей перед ней охраны разглядела знакомые доспехи ее телохранителей. Возвращался кто-то из Лесных котов. Вдох облегчения сорвался с ее заледеневших губ, в тело снова вернулась навязчивая дрожь, но на этот раз – от пережитого напряжения.

– Убрать оружие. Ложная тревога, – скомандовал Лексли. – Миледи, можем спокойно проезжать, это гражданская повозка.

– Кто в ней?

– Какие-то облезлые бродяги, оружия у них нет, я проверил, – безразличным тоном сообщил ей сержант. – Они не представляют опасности, их колымага прочно засела в грязи, они пытались вытащить ее – и еще глубже увязли. Барахтаются в луже уже битый час, все измазались и продрогли. Нам они не помеха.

– А кто в повозке? – упрямо переспросила Мирна.

– Трое мужчин, и, похоже, две девчонки, совсем сопливые, – ворчливо ответил Кот. Мирне было бесполезно возражать, если она хочет что-то узнать, то своего добьется любой ценой. – Миледи, ночь на дворе, я не разглядывал их. Говорю же, бродяги. Не дотянули до постоянного двора, застряли. Направляются в графство Нокленд, там, через неделю большая ярмарка, едут туда выступать.

– Я хочу посмотреть! Надо узнать, не нужна ли помощь. Сержант устало вздохнул и мрачно посмотрел на Мирну. Вот ведь упрямица, еле сидит в седле, а никак не уgomонит-ся. До дома уже рукой подать, и охота ей задерживаться под дождем?

Тем временем отряд приблизился к месту происшествия. На дороге стояла убогая крытая повозка, запряженная парой усталых, совершенно выбившихся из сил лошадок. Они стояли, понунив головы, и даже не пытались двигаться. Вокруг лошадей и рядом с большими колесами повозки суетились сгорбленные фигурки людей. Даже издали было видно, что люди двигались с большим трудом. Вцепившись в обод колеса с одной стороны повозки тонкими, как соломинки, ручками, две маленькие женские фигурки, выбиваясь из сил, пытались прокрутить его вперед, помогая усталым животным вытянуть повозку из здоровой лужи. С другой стороны эту же бесполезную работу пытались проделать пара мужчин, еще один тянул лошадей за узду. На козлах сидел мальчишка и понукал лошадей. От всей представшей взору

картины веяло безнадежностью и отчаянием. При виде отряда фигурки вжались в стены повозки, из-под низких капюшонов на всадников с настороженностью глядело несколько пар глаз.

– Я миледи Ерш, госпожа этого замка и всех окрестных земель. Мой человек сообщил, что вы направляетесь в соседнее графство, но повозка ваша застряла. Кто вы такие и могу ли я оказать вам какую-то помощь?

– Благодарим вас за предложение, миледи. Мы бедные артисты, без посторонней помощи мы не вытянем нашу повозку и не сможем дальше двигаться, – ответил, выступив вперед, один из мужчин.

– Это все, что вам нужно?

– Да, госпожа, – опустив голову, произнес путник. Краем глаза Мирна увидела, как враз потухли засветившиеся было надеждой глаза подростка, сидевшего на козлах, и как уныло поникли плечики девушек, стоящих перед ней в грязи.

– По воле случая мы встретились под этим негостеприимным небом сегодня вечером, и я приглашаю вас в свой замок, чтобы вы могли переночевать и обсохнуть, а утром вы можете отправиться в свой путь. Я пришлю помощь из замка, чтобы вашу повозку вытащили.

– Это большая честь для нас, госпожа, – ответил один из путников. – Мы не можем принять ваше щедрое предложение.

– Срочные дела? – немного обиженно спросила Мирна. Ее

начало раздражать непонятное упрямство еле стоящих перед ней людей.

Мужчина еще ниже опустил голову и тихо произнес:

– Мы не сможем ничем отплатить постой, миледи...

Мирне немедленно стало стыдно за свой гнев. Краска смущения прилила к щекам, окатив их горячей волной. Она резко бросила в ответ:

– Так оставайтесь бесплатно. Не все на свете делается за деньги, и я это знаю не понаслышке!

Обернувшись к телохранителям, она скомандовала:

– Возьмите мальчика и девушек к себе на лошадей, а мужчины останутся в повозке, пока мы не пришлем помощь.

Через некоторое время смертельно уставшие путники наконец закончили свое утомительное путешествие. В обеденном зале жарко растопили камин, зажгли свечи и наскоро накрывали на стол запоздалый ужин. Мирна скользнула на кресло в торце стола и откинулась на его высокую спинку, вокруг рассаживались продрогшие воины. За ее спиной топтался обрадованный управляющий. Впрочем, он время от времени с сомнением поглядывал на кучку голодранцев, сбившуюся в угол у входа в зал.

– Ваш ужин, госпожа, – важно произнес управляющий.

– Спасибо, Логен, ты все сделал как всегда, прекрасно. Позаботься о моих гостях, накорми и обсуши их, – распорядилась Мирна.

– Госпожа, я отведу их на конюшню! – с готовностью по-

клонился тот.

– Логен, это мои гости, никакой конюшни – пусть едят со всеми вместе! – возмутилась Мирна.

– Они какие-то подозрительные оборванцы...

– Артисты!

– Еще лучше... только их нам и не хватало...

– Поставь им горячий ужин.

– Да их в таком виде и за стол-то посадить стыдно!

– И не забудь горячего вина...

– Чтобы они еще и перепились? И везде напачкали...

– Ничего, у нас есть кому за ними убрать!!! – закончила Мирна свою речь, периодически прерываемую причитаниями управляющего. – Найди им место в хозяйственных пристройках. Согрей, накорми, уложи спать. Это не обсуждается! – отрезала она.

– И все перепачкают... – опять прошелестел одними губами Логен. От кучки перепуганных артистов на каменных плитах замка натекла приличная лужа воды и грязи. Укоризненно поджав губы, управляющий с достоинством удалился в коридор, уводя за собой незваных гостей.

– Пусть хоть умоются и переоденутся перед едой... – здесь он был непреклонен.

Наутро пришлось много дел и суеты. Мирна встретилась с управляющим и бургомистрами парочки своих городов, которые прибыли для доклада, сделала необходимые хозяйственные распоряжения относительно ужина. Не забыла она

и про своих гостей. Выйдя во внутренний двор замка, Мирна прошла к хозяйственным постройкам и столкнулась там с артистами, выходящими на улицу к своей повозке. При свете дня они не казались такими уж оборванцами. Мужчины были статны и совсем молоды. Конечно, не рыцарского телосложения, но вполне могли постоять за себя. А девушки были просто прелестны. Обе невысокого роста, одна – с каштановыми волосами, вторая – с золотистыми, одетые в одинаковые биио² когда-то красного цвета, но теперь уже выгоревшие на солнце и полинявшие от постоянного ношения. Каждая из девушек имела красивый кожаный пояс с многочисленными медными клепками в виде монет, а на головах красовался миниатюрный чепец – эннин, придававший своей хозяйке немного кокетливый и одновременно целомудренный вид.

Девушки, спешащие впереди своих спутников, увидев хозяйку замка, присели в поклоне, мужчины склонили головы в вежливом приветствии.

– Я вижу, вы отдохнули и собираетесь в путь?

– Миледи, мы собирались поблагодарить вас за чрезвычайно любезное и щедрое гостеприимство, оказанное нам в стенах вашего замка, – промолвил один из артистов.

Мирна перевела свой взор на девушку с золотыми волосами.

– Как твое имя, дитя мое?

² Вид средневековой верхней одежды.

– Катарина, госпожа.

– Давно ли ты занимаешься актерским делом?

– Миледи, я тут с моим старшим братом, Генри, – один из юношей вскинул при этих словах голову. – Мы – скорее музыканты, чем актеры, играем уже четыре года.

– Музыканты? – встрепелась Мирна. – Неужели? Давненько не заезжали такие гости в наши края...

– Да, миледи.

– И какую же музыку вы играете?

– У нас редкие инструменты, миледи, – уклончиво ответила Катарина. – За спиной каждого из нас разные судьбы и долгие путешествия. Каждый пришел к музыке своей дорогой и принес в труппу частицу своего опыта и часть музыкальных традиций своей родины. Мы все – не местные. А наша музыка не всегда понятна окружающим! Да и инструментов, подобных нашим, тут совсем еще не знают.

Девушка с вызовом вскинула голову.

– Но она, все равно – замечательная! Просто... время для нее еще не пришло, – уже тише добавила она. – Здесь мало известны наши инструменты и наша музыка.

– В таком случае, я приглашаю вас сегодня вечером отужинать со мной. Я жду гостей к ужину, и буду рада, если вы покажете нам свое мастерство. Надеюсь, мне не придется краснеть за вас перед гостями, – Мирна лукаво улыбнулась.

Краем глаза она заметила, как засветились радостью глаза Катарины и ее спутников. Бродячих музыкантов не слыш-

ком привечали нынче, нелегкая у них была жизнь, они вечно скитались полуголодные, в поисках еды и тепла. Дворянство более благосклонно относилось к лицедеям, циркачам и мимам, предпочитая незатейливые увеселительные сценки музыкальному выступлению, требующему от публики определенных интеллектуальных и эмоциональных усилий. Поэтому венцом мечты каждого музыканта было заполучить себе богатого покровителя, при дворе которого можно было бы, хоть как-то, прокормиться. Но увы... тут везло не всем...

– Я приглашаю вас сегодня разделить мой ужин. Логен пришлет за вами, – произнесла Мирна.

Ничего не может быть хуже, когда над головой нет крыши и нечего поесть. Пусть, хоть немного, бедняги погреются у ее огня, перестанут волноваться о куске хлеба и покажут свое мастерство, а заодно повеселят гостей, которые соберутся к ужину.

– Благодарим вас, миледи! – жарко воскликнул брат Катарини. – Для нас будет честью играть перед избранницей Серого Лорда.

Поймав удивленный взгляд Мирны, Генри пояснил:

– Молва о вас идет далеко за пределами вашего графства, госпожа. Мы еще вчера поняли, перед кем стоим на дороге, стоило вам только назвать себя.

– Разве? И что же вам известно, сударь? Обо мне? – обернулась собравшаяся было уходить Мирна.

Артисты бросились перечислять услышанное:

– Говорят, что вы самая завидная невеста в королевстве, а ваш сын – самый богатый наследник. Вы отваживаете всех женихов, а покровительствует вам сама Церковь. Что в вашем подчинении находятся воинственные и безжалостные горные племена, а охраняют вас самые отважные и опытные воины королевства – Лесные Коты.

– Говорят, вашему богатству завидует сам король...

– И не прочь породниться с вами, выдав замуж за своего племянника...

– И что Рунный клинок хоть и признал наследника, но он не стал Серым...

– А еще говорят, что вдова Серого рыцаря умеет скакать на лошади, драться на мечах, стрелять из арбалета и в схватке не уступит иному воину.

– Врут, – подал из-за спины Мирны свой голос Лексли. Девушки от неожиданности аж подскочили на месте. Оправдывая свое прозвище, сержант подошел совершенно незаметно и бесшумно.

– А еще говорят, что вы целительница и знаете с колдовством и всякой нечистью, – с любопытством и ужасом в глазах прошептала одними губами Мэгги, вторая девушка.

– И еще я превращаю глупых девиц в куницу или лису. Волосы у вас красивые – хвосты будут очень даже пушистые... – зловеще промолвила Мирна, с трудом удерживая улыбку. Девушки побелели как полотно и застыли. Дружный смех Мирны и Кота разрядил сгустившуюся обстановку.

— Я пришлю вам кое-что из одежды, чтобы вы могли произвести впечатление на моих гостей не только игрой, но и своими костюмами. Вы в приличном доме и должны выглядеть соответствующим образом. Считайте это моим подарком, — сказала она на прощание музыкантам. — До вечера! За вами придет Логен, готовьтесь.

Вечером в большом обеденном зале был накрыт ужин, полы застлали свежей соломой, выгнали на улицу многочисленных собак, длинные ряды скамей застелили домоткаными циновками, добавили свечей. Непогода ушла, и в замке значительно потеплело. Хорошая еда и вино дополнительно согревали присутствующих, велась оживленная беседа, изредка прерываемая застольными здравицами в честь хозяйки замка и ее сына.

Мирна с любопытством поглядывала на край стола, где скромно сидели музыканты. В подаренных Мирной новых бلیю и котах³, плотно обтягивающих грудь, девушки выглядели обворожительно. Их распущенные волосы сверкали в свете огня, щеки от выпитого вина покраснелись, глаза заблестели. Улыбка все чаще стала играть на их губах, и иногда с края стола слышался робкий смех. Молодые люди приосанились и расправили плечи, в новых сюркотах⁴, перетянутых широкими парчовыми поясами и добротных шерстяных плащах они выглядели очень достойно.

³ Средневековая одежда.

⁴ Мужская верхняя одежда, вид куртки.

В самый разгар ужина, когда шум в зале достиг своего апогея, а гости возбудились настолько, что уже не хотелось просто так сидеть за столом, Мирна сделала знак управляющему. В зал внесли музыкальные инструменты. Гости с удивлением смотрели на непонятные конструкции из кожаных мешков, труб и трубочек. Барабаны тоже были разными – по размерам, форме и исполнению. А блок из странных тростниковых трубок, соединенный в одно целое, вообще вызывал сомнение в способности воспроизводить какие-либо звуки.

Музыканты, совершенно не смущенные повышенным вниманием и подозрительными взглядами, которые гости бросали на их экипировку, сгрудившись в кружок, отлаживали звук и готовились к выступлению.

Постепенно в большом помещении воцарилась тишина, только нестройный хор звуков летел к высоким сводам и там, усиленный эхом, метался по потолку в поисках выхода.

Вперед выступила Катарина, девушка с золотыми волосами. Ее небесно-голубое блио отлично гармонировало с темно-синим сюркотом с большими разрезами по бокам, многочисленная шнуровка ладно обтягивала фигурку. Широкие, ниспадающие рукава камизы⁵. Заколыхались, как крылья, когда она взмахнула руками, подавая знак группе. Заиграла музыка. На заднем плане, у стены, на высокие деревянные ходули ловко вскочил мальчишка-подросток, облаченный в костюм огромной черной птицы. Мрачный, зловещий силу-

⁵ Обычно – расшитая и украшенная рубаха.

эт вороны с развевающимися крыльями огромной тенью заметался по стенам парадного зала, потолкам и каменным колоннам. Птица словно летала над головами музыкантов, создавая магическое и тревожное ощущение.

Поначалу слушатели морщились от мощных и пронзительных звуков труб, казавшихся резкими и непривычными. Постепенно в мелодию стала примешиваться «сопящая» музыка, извлекаемая из невиданной многотрубной флейты, прозрачная и прохладная, как струи воды или воздушные потоки. Она сгладила резкость звучания других инструментов и наполнила мелодию глубиной и свежестью. Звонкий, хрустальный и сухой перестук непонятных деревянных палочек внес в общее звучание чистоту и объем. Музыка, казалось, обрела свою полную силу и благозвучие. И тут в хор вступили барабаны, особенно выделялся своим звучанием низкий, вибрирующий звук мриданги. Рокочущий гул барабанов завораживал и заставлял волноваться, поднимая из глубин души древние, еще в первозданные времена забытые инстинкты. В сердцах слушателей зарождались необъяснимые чувства. Мирна испытала огромный эмоциональный подъем, мощный всплеск энергии и удивительное чувство единения с окружающими. Мужчины возбужденно повскакали с мест и подхватили кубки с вином. Послышались подбадривающие и воинственные выкрики зрителей. Энергетическая волна захлестнула и артистов – они полностью отдались музыке, темп мелодии стремительно нарастал, девушки

постоянно менялись местами, юноши тоже двигались в такт, они кружились, падали на колени, высоко поднимали руки и вскидывали головы, музыканты перемещались по залу, переходили от одной стороны стола к другой. Все действие слилось в один большой, пульсирующий энергией вихрь – звуков, эмоций, движений, выкриков зрителей. Труппа остановилась в торце стола, около Мирны. Накал страстей достиг своей кульминации, трубы странных инструментов взвыли на самой высокой ноте, напряжение стало почти непереносимым. Огромная ворона, парящая над головами музыкантов, неожиданно прыгнула вниз и опустилась перед хозяйкой замка, сложив свои гигантские крылья. И тут наступила пауза, длившаяся всего миг, музыканты упали на одно колено перед хозяйским столом и склонили головы. Затем самый большой барабан эффектно сказал «бум-м-м» – и нависла густая, оглушающая тишина.

Мирна скорее почувствовала, чем услышала вздох восхищения окружающих, и, наконец, смогла вздохнуть и сама... и тут на музыкантов обрушился шквал одобрительных криков.

– Как называется ваш инструмент, Катарина?

– Мы называем его волынкой, миледи...

– Костер развести здесь! – указывает сержант, не слезая с лошади. – Лагерь разбить на обычном месте.

В принципе, он мог бы и не отдавать указания насчет ко-

стра. Все и так знают, что Лексли во время визитов к развалинам замка всегда подолгу сидит здесь, в одиночестве разглядывая их. Мало кто осмеливается беспокоить Кота в это время... Да и лагерь всегда разбивают так, чтобы было видно горящий костер и одинокую фигуру около него.

Так произошло и сегодня. После того как в лагере потухли последние огни, ничего, кроме переключки часовых, не нарушало ночной тишины.

Осторожно ступая по камням, подхожу к сержанту. Он молча сидит у огня, около его ноги на земле притулилась фляга с вином.

– Садись и ты... – указывает он мне рукой.

Некоторое время мы оба молчим.

– Я все время чего-то жду... – говорит он, – не знаю даже, чего...

– И я тоже. Мне все время тут как-то не по себе.

– Всем не по себе, – Кот кивает в сторону темных развалин, – она не любит чужаков, особенно женщин. Поэтому твоя мать так редко сюда приезжает. В эти моменты «каменная вдова» особенно возмущена – это чувствуют люди и лошади.

– Но ведь ты – ты же не чужой тут?

– Чужой... Только твоего отца она признала хозяином и повелителем и выполнила его волю. Я думаю, что, отправляясь тогда в горы, он уже знал о том решении, которое примет по возвращении. Скорее всего – знал. Даже не могу по-

думать, каково это – с каждым днем ощущать приближение собственной смерти? Знать это и ничего не предпринять?

Он поднимает флягу и делает глубокий глоток. Закрывает горлышко и убирает флягу в поясную сумку.

– Это вино распорядился привезти сюда он... Только вот обоз пришел к уже рухнувшим стенам. А твоя мать приказала отправить это нам – все, что привезли. И впредь скупать весь урожай с этих виноградников – теперь это пьем только мы.

Знаменитое бодрящее вино Лесных Котов. Многие вельможи считают за честь получить к своему столу хотя бы бо-чонок! Но этим распоряжается лично Старик, который не отличается особенным мотовством и щедростью – такая благодать распространяется только на своих. Семья рядового Кота могла получить в дар целую бочку, а местный барон только тоскливо вздыхал, глядя на небольшой обоз под флагом с кошачьей головой. Правда, моя мать тоже иногда делала такие роскошные подарки – графство вообще славилось своими винами и настойками. Они по праву считались вершиной винодельческого искусства, торговля ими приносила нам неплохой доход. Но продавалось далеко не все. Некоторые напитки (по слухам, составленные еще моим отцом) готовились в очень ограниченном количестве и только для наших воинов.

– Ладно! – Лексли встает. – Проверю посты и спать! Ты со мной?

– Посижу еще тут немного...

– Не засиживайся!

Темная фигура воина исчезает во мраке совершенно бесшумно. Только лишь он стоял рядом – и вот, лишь легкое дуновение ветерка напоминает о его присутствии. Мне бы так уметь!

Но я еще слишком молод...

Наклоняюсь, поднимаю с земли несколько веток и бросаю их в огонь.

Тихо...

Только редкие ночные птицы посвистывают где-то вдалеке, и иногда нарушают тишину оклики часовых.

Со стороны развалин тянет прохладой, и я невольно поживаюсь. Подбросить еще дров?

Новая охапка поленьев летит в огонь.

Взметнувшиеся искры на какое-то мгновение заставляют меня прикрыть лицо рукой. А когда моя рука опускается вниз – напротив меня сидит темная фигура воина в доспехах...

Лексли?

Уже вернулся?

Нет... это не он.

Доспехи работы мастера Ганта трудно перепутать еще с чьими-либо, а на воине явно не они.

Темные глаза уставились на меня – и словно дрожь про-

шла по всему телу!

– Так вот ты какой стал!

Уставший голос, слово воин только что вышел из тяжелой битвы.

Он чуть шевелится, и пламя костра взлетает выше...

Тень!

Он не отбрасывает тени!

Призрак?

Но чей?

Неужели...

– Ты правильно подумал.

– Отец?!

Вместо ответа он снимает через голову кольчугу, сбрасывает на песок поддоспешник, снимает рубаху.

На его груди я вижу очертания знакомого клинка.

Только один человек в этом мире может иметь такой рисунок, только один...

– Тебе будет холодно! Сейчас ночь и со стороны «каменной вдовы» тянет прохладой!

– Не страшно, – усмехается мой собеседник. – Уж что-то – а простуда мне больше не грозит... Да и «каменная вдова» не страшна – с ней-то мы поладим.

Отец набрасывает поддоспешник и устраивается поудобнее.

– Но как же так... ты жив?!

– Нет. Не спрашивай меня об этом – я и сам не знаю всего.

Но в этом мире меня могут видеть немногие. Ты – один из них, моя плоть и кровь.

– А мать? Она – может?

– Может. Но я никогда не показывался ей.

– Почему?!

– Не могу же я разбередить раны, которые только недавно зажили? Она многие годы не могла смириться с потерей меня. Ее душевные раны только затянулись... Ведь я любил ее больше всего на свете! Да и сейчас – тоже люблю. Ты уже мужчина – должен понимать...

– Не понимаю, наверное... А Лексли? Он тоже всегда здесь сидит, когда приезжает.

– Мы оба здесь сидим. Он не видит меня – просто не может. Но – чувствует.

– Но почему же я раньше тебя не видел?

– Значит – не пришло еще время. Да ты и приходил сюда всего один раз – на полчаса. А я не могу отходить от развалин дальше. И прийти могу только в такое время – перед рассветом. Так что не спеши никому рассказывать о моем визите. Тебя могут неправильно понять даже лучшие друзья. Кстати, не пытайся до меня дотронуться – ничего хорошего не произойдет. Здоровья точно не прибавится.

Мысли мои находятся в полном смятении! Так много мне нужно спросить, понять, узнать! Но я даже не знаю, как сформулировать свои перепутавшиеся мысли. В своих детских мечтах я часто представлял, что встречаюсь с отцом,

и мы подолгу разговариваем, или что он оказывается жив и возвращается в замок, и мы все дни проводим вместе – я, мать и отец. В эти моменты я был совершенно счастлив, представляя, как отец ласково хлопает меня по плечу после удачного выстрела из арбалета, как подсаживает меня в седло или вместе со мной смеется какой-нибудь шутке. Я так сильно скучал по нему, особенно видя, как тоскует украдкой от меня по вечерам мать, пряча от меня полные слез глаза. И вот он – передо мной, и я не верю своим глазам, не могу найти нужных слов, чтобы рассказать ему обо всем, что так долго копилось в моей душе.

Сбивчиво, перескакивая со слова на слово, рассказываю я призраку (отцу?) обо всем подряд. Даже о случае с Седером.

Отец терпеливо и внимательно меня слушает, слегка склонив голову набок, иногда усмехается, порой еле заметно кивает, выражая одобрение, иногда задумчиво хмурится, устремив пронзительный взгляд куда-то в темноту.

– Занятно... Это у тебя от матери – она одна из сильнейших целительниц в этом мире.

– А от тебя? Все говорят, что меч меня не признал...

– Кто это такой умный отыскался? – усмехается отец. – А лично попробовать – он не пытался?

– Но я брал меч в руки! По праздникам и торжественным дням – так положено!

– Да? И поднимал его в свою защиту или для нападения?

– Нет... А надо?

– Клинок просто спит – он не чувствует опасности, потому что не чувствуешь ее ты. Вот и все...

– Но он не рубит железо! Я пробовал! А все говорят, что это должно быть!

– Да ну?! И как давно в последний раз?

– Давно...

Он усмехается.

– Сила оружия – в силе его хозяина. Тебе можно дать в руки пулемет – станешь ли ты сильнее? Опаснее – да. Но брось его на землю – и где будет твоя сила?

– Пуле... что?

– Ты поймешь... – отмахивается он рукой. – Не сразу. Но все это будет. Клинок просто еще не стал твоим.

– Но как же... Ты все про меня знаешь?

– Нет. Я могу чувствовать тебя только в моменты сильного душевного волнения – твоего волнения. Тогда мне слышны голоса людей, которые около тебя находятся. Иногда даже могу их видеть. В такие моменты я пытаюсь достучаться до твоего сознания... но... это не всегда у меня выходит – я далеко не всесилен.

Тот голос, что прозвучал в моей голове, во время стычки с соратниками Замира – это он?

Перескакивая со слова на слово, рассказываю об этом.

– Опасность была налицо – они хотели пустить тебе кровь.

– За что?

– Ведь ты помог врагу их предводителя, насколько я понял

из всего, что услышал. Людей резали и за меньшее...

– Но я – сын лорда!

– Это написано на твоём лбу? Кто-то специально возит повсюду плакат с подобной надписью?

– Возит... что?

– Оповещает о столь важном событии, как визит наследника. Не обольщайся – у нас обоих совершенно обыкновенная кровь. И мы смертны, как и любой человек этого мира.

– А ты?

Отец мрачнеет.

– Не каждому дано умереть такой смертью... и слава Богу! Я многое бы отдал, чтобы быть таким, как все... ты пока этого не поймешь... Видеть творящуюся несправедливость и не иметь возможности ее предотвратить? А ведь я вижу... не все, но многое. Видимо, я не все еще долги отдал Тому, кто стоит над всеми нами. Это здесь мои силы велики, а вот отойди от замковых стен на три-четыре полета стрелы...

– Так здесь...

– Если у тебя на плечах будут сидеть безжалостные преследователи, приводи их сюда. Я прикован к этому месту, чтобы охранять вечное зло и тут могу сделать очень многое!

Призрак протягивает руку – и в полной тишине я вижу, как колеблются и осыпаются камни развалин. Громадные глыбы кувыркаются, как детские кубики, если по ним пнуть сапогом. Обломки сползаются в кучу, и над развалинами поднимается холм из камней. Дрожь земли доходит и

до нас – вспыхивают рассыпающиеся ветки костра. Слышно испуганное ржание лошадей, до костра доносятся встревоженные окрики часовых...

– Не надо!

Но никого нет передо мною.

Только потревоженная пыль оседает на землю.

Топот ног – от лагеря подбегает Лексли.

– Что случилось?!

– Не знаю... внезапно затряслась земля... стали падать и двигаться камни в развалинах.

– Ну хорошо, что хоть сюда ничего не дошло! – Кот протягивает мне руку. – Вставай! Пошли в лагерь.

Взгляд его рассеянно скользит по окрестностям и вдруг замирает.

Напротив меня лежит на земле свернутая кольчуга...

– Ты точно в этом уверен? – епископ приподнял край лежащей на столе кольчуги.

– Да, – кивнул Лексли. – Незадолго до того мы тренировались и милорд пропустил мой удар. Гант отремонтировал доспех, заново установив две клепки с левой стороны. Да вы и сами можете это видеть – на всей кольчуге они круглые, а вот – эти две, шестигранные.

– Но ведь кто-то же еще мог об этом знать?

– Возможно. Но вот то, что милорд был именно в ней в тот день – только я. Ведь именно со мною он попрощался

последним – тогда, у ворот замка. И только я один видел его так близко. На нем был наброшен плащ, скрывавший большую часть доспехов. Он был в кольчуге – это видели все. Но в какой именно? А во время разговора со мной плащ распахнулся, когда милорд поднял руку, прощаясь... И я смог рассмотреть эти подробности.

– Но кто и каким образом сумел ее достать? Откуда?! Может быть, это все-таки подделка?

– Не знаю, Ваше преосвященство. Но если и подделка – то весьма мастерски исполненная. Да и помимо этого – зачем все это? Допускаю, что кто-то мог рискнуть и пройти к костру со стороны развалин... Хотя лично я такому храбрецу не завидую – мало кто выжил, пройдя по камням «вдовьей крепости»... Но чего хотел добиться этот человек? Произвести впечатление на Сандра? Так ему этот доспех незнаком...

– Скорее уж – на тебя! – усмехнулся епископ.

– В таком случае, Ваше преосвященство, он не преуспел в этом замысле – меня там уже не было.

– А мог ли мальчик задремать и пропустить тот момент, когда ему подбросили кольчугу?

– Мог, – снова кивнул Кот. – Он еще молод, вполне возможно, что и задремал – ведь это же не пост.

– Он ничего больше не сказал?

– Нет. Всю дорогу домой Сандр был как-то скован и не так общителен, как обычно.

– Ну как раз в этом-то ничего удивительного нет – визит к

развалинам еще никого не сделал весельчаком. Я и сам... – отмахнулся Гройнен. – Да... Загадка! Но, как бы то ни было, а этот неизвестный свой ход сделал!

– И теперь ждет нашей реакции? – сержант недобро усмехнулся.

– Очень даже может быть...

Месяц спустя

– Сержант, а почему вы называетесь Лесными Котами?

Мы возвращались из города в замок после встречи с бургомистром одного из городов на окраине графства. Тамошние жители были всерьез обеспокоены наплывом грабителей на своих дорогах, прислали в замок послание с просьбой о помощи, и мать отрядила в город представительную делегацию, а заодно и еще целый воз оружия, достаточного, чтобы вооружить отряд из тридцати человек. Уж чего-чего, а подобного добра у нас имелось в избытке. Вместе с Лексли поехал и я, перенимать, так сказать, опыт общения с властью на местах.

– А чем тебе коты не нраву? – усмехнулся Лексли.

– Ну-у... я не против, просто интересно, почему коты, а не медведи, например? Или, там, волки? «Лесные волки» – тоже звучит, а? – подмигнул ему я.

– Ну, это как сказать. По мне так коты – самое то. Медведи – слишком большие и медленные, не находишь? Волки – не самые уважаемые животные среди людей, они навро-

де разбойников – напасть на слабого или больного норовят, да и ходят они стаями. А коты – независимые, незаметные, ловкие и тихие. Ты часто видел лесного кота?

– Нет, – разочарованно протянул я. – Один раз только, да и то издалека.

– Ну вот, видишь. Кот – зверь осторожный, ночной. Настоящий охотник. Лишний раз не попрет напролом, как твой медведь.

Я задумался над словами Лексли. Вроде кот – животное небольшое, волк или медведь куда как крупнее и опаснее. Но самые лучшие солдаты королевства сравнивают себя с лесными котами. Значит, не так важно, какого ты размера, главное, как ты сражаешься. Интересное наблюдение.

Наша дорога петляла по лесу. Стояла осенняя, довольно холодная погода и по ночам случались заморозки. Поутру иней на траве таял, пригревало солнышко. Я чуть не задремал в седле, когда сержант сделал осторожный жест рукой. Строевой, хорошо обученный конь, встал как вкопанный посреди дороги. Я аж клацнул зубами от неожиданности. За мной остановились остальные всадники нашего отряда.

– Смотри, впереди у куста... – он показал мне направление.

– Кто это? Собака? – я увидел непонятное животное. Маленькое и грациозное, с длинным хвостом, гривой на затылке и огромными ушами на макушке.

– Непохоже. Скорее, кот. Только я никогда не видал тако-

го странного кота.

– А почему он не убегает, Лексли? – удивился я.

Лексли нахмурился и задумался на секунду.

– Нет, это не кот. Тот бы убежал, точно. Да он и не вылез бы на дорогу. Наверное, собака.

Мы подъехали чуть ближе. Животное отбежало на пару шагов, чуть спрятавшись за куст, присело на сухой холмик с травой и уставилось на нас большими желтыми глазами. Я чуть подал лошадь вперед. До зверя оставалось несколько шагов. Тот выгнул спину, грива поднялась дыбом, он неприятно зашипел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.